Низший 8

Автор:
Дем Михайлов

Низший 8

Дем Михайлов

Низший #8

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеским лицом… Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь – превратиться в откормленную свинью..

Дем Михайлов

Низший-8

Глава первая

Прыгнувший на оконную решетку серый матерый плукс просунул лапу между прутьями и попытался схватить безрукого хромого зомби. Тот, поросший бурой и серой плесенью упырь, с большим старым рюкзаком на животе, с бесстрастной

готовностью подался навстречу когтистым лапам.

– Вашу мать! – буркнул я, падая на пол и захлопывая ногой дверь.

Я еще успел откатиться в сторону и широко разинуть пасть, когда выбитая грянувшим взрывом дверь вылетела из проема вместе с косяком, беззвучно ударилась о противоположную стену, частично выбив оконную решетку. Комнату закрыло густое белесое облако едкой пыли, еще больше этого дерьма потянулось из курящегося дымом коридора. Глянув на лежащих в углах бойцов, я тряхнул звенящей головой и снова выглянул в коридор. Палата, напротив превратилась в руины, соседние стены легли, решетку вместе с плуксом выбило, с потолка капали кровавые капли густо замешанные со штукатуркой. Мы построим вам дом замешанный на крови…

Я кивнул Хвану на окно за нашими спинами и через пару секунд послышался грохот – бронированный призм всем весом ударил о покореженную решетку. Ему на помощь пришел орк и вскоре решетка сдалась. Парой жестов я велел проверить соседнее окно и получив утвердительный ответ, тут же приказал перебазироваться. Пора валить – я уже слышу топот множества ног, причем топот доносится со всех сторон сразу.

Первым двинулся Хван, попросту спрыгнувший на заросший бурьяном газон и поймав спрыгнувшую Джоранн. Рыжая ловко приземлилась и… обмякала со странным хрипом. На мгновение мне, стоящему рядом с подоконником и старающимся не забывать про дверь, откуда доносились яростные вопли, почудилось, что Джоранн напоролась на один из шипов призма и умерла в мученьях. Все оказалось хуже:

– Поймала флэш! – шипящим шепотом пояснил призм, тряся обмякшую девушку как куклу – Сука!

– В окно ее! – сквозь зубы процедил я и бросился к изуродованному дверному проему, где у пола наметилось движение.

Обугленная рука с лопающейся при каждом усилии кожей, втащила за собой хозяйку – обгорелую зомбячку юных лет, с прекрасно сохранившимся красивым лицом и с телом похожим на исполосованный, истоптанный и поджаренный мешок дерьма. Я не стал тратить драгоценный заряд батарей. Воспользовался

топором, перерубая шею. Обезглавленное тело дернулось, махнуло культями, мне в лицо брызнуло гнойной сукровицей. Наспех утеревшись рукавом, я метнулся назад и с размаху пнул медлившее на подоконнике «мясо» – дружка Лео Сквалыги. Взмахнув руками, тот с коротким придушенным воплем слетел вниз, я спрыгнул следом и, подхватив медлительного придурка за шиворот, дернул за собой.

– Бросьте меня! – проныл тот на автомате, но, обернувшись, наткнулся взглядом на бегущих на шум драки зомбаков и с клацаньем захлопнул пасть.

У соседнего окна придурка подхватили жилистые лапы ругающегося орка, втянув внутрь. Я забрался сам, перевалившись за подоконник и рухнув на грязный и звенящий обломками кафельный пол. Коротко огляделся, дернул плечом:

– Сойдет. Нет! Не загораживай ничем окно, Рэк! Они знают тут каждую дыру и стенку. Все новое привлечет внимание.

– Понял.

– Передышка пять минут. Потом двигаем дальше. Что с Джоранн?

– Приходит в себя – доложил нависший над подругой призм – Вот это ее сложило флэшем. Вырубило прямо в воздухе. За секунду.

– Да ты сегодня прямо живчик – хмыкнул я, удивляясь разговорчивости обычно чуть подторможенного после эволюции Хвана – Что так?

– Так ведь жизнь какая яркая, командир! Охренеть!

– Не благодари – усмехнулся – Всем закинуться белковыми батончиками и пищконом. Добавить шизы. Как только скажу – двигаемся дальше. Рэк. Проверь что это за хрень в углу комнаты.

– Уже смотрел! Решетка стальная. Но выломать можно. А за ней вентиляционный короб. Вроде как протиснуться можно, командир. Но вот сука если мы жопами там встрянем… или кто-то один, но над нами…

– Не вариант – покачал я головой и впился зубами в податливый желтоватый батончик.

– Еще раз выскочим и пройдем снаружи? Может найдем способ взобраться по стене.

– Не – не согласился я – Нахрена? Мы пройдем коридором.

– Коридором? – ожил молчаливый мечник и для наглядности указал на ведущую в коридор дверь. За дверью кто-то дико орал, а через мгновение, будто для дополнительного нагнетания мрачной атмосферы, из-под забаррикадированной с обеих сторон двери вытекла струйка слишком уж красной и слишком уж яркой крови. Знакомый химический ненатуральный цвет. Кровушка раненного или убитого плукса.

– Коридором – кивнул я – Три минуты до выхода.

– Там ведь ад – без всякого страха заметил Рэк – Слышите хруст и хрип? Кажись кому-то хребет ломают. Месиво из гребаных тварей.

– Ага. Это нам и поможет. Что там Джоранн?

– Я в норме – хрипло ответила мне рыжая, медленно усаживаясь и первым делом хватаясь за дробовик – Дерьмо!

– Что видела?

– Маму.

– Как мило…

– Она била меня куском тонкого троса в черной изоленте. Хлестала по бедрам. Боль адская. А она била и говорила: «Только грязные шлюхи показывают в улыбке зубы! Ноги и губы надо держать сомкнутыми! Сомкнутыми! Только грязные шлюхи ходят в футболках с надписями! Бог создал для порядочных девушек скромные блузки с горловыми завязками! Сколько раз я тебе говорила – это грех! Грех! Грех! Не будь грязной! Не будь! Я очищу тебя!». Там было что-то

еще… но я не запомнила. А вот этот момент прямо идеально. Этот и следующий – где я, изгибаясь от дикой боли, почти теряя сознания, хватаю лежащий на столе нож – стол в тени, а на нож падает луч солнца. Я хватаю нож и одним ударом срезаю маме половину левой щеки – вместе с отвратительной черной родинкой размером с изюмину. Я ударила… и боль сразу исчезла… Я чувствую только жгучие слезы счастья, стекающие по щекам…

– Мило – повторил я – Прямо даже пасторально. Счастливая семья. Подъем, гоблины! Время убираться из этой западни. Я иду первым. Остальные – как отрабатывали! И… эй! С-сука!

Ужом скользнувший вдоль стены любимец Лео Сквалыги рыбкой нырнул в окно. Ахнул от боли, явно встретив газон не ногами, а другой частью тупого тела. И тут же послышался торопливый топот – парень делал ноги. Первым оказавшийся у окна Каппа, опередивший орка на секунду, бесстрастно доложил:

– Бежит к деревьям. Резко свернул. Снова свернул. Бежит к нам.

Из-за окна послышалось панически-истеричное:

– Спаси-и-ите! Спаси-и-и! А-А-А-А!

И тишина…

– Его сожрала оранжевая тварь с огромной…

– Ему мандарин башку оторвал! – буркнул орк – Туда и дорога дебилу! Ну что?

– Отгребаем – кивнул я и помог оттащить от двери всякий старый хлам – кресло с рваной обивкой, металлический стол, боковину шкафа, несколько гремящих черепов и бейсбольную биту с надписью «Я почленяю!».

С той стороны имелся засов. Но если хорошенько постараться, то старую дверь легко можно отжать, а затем доломать. И мы получим проход в коридор, где сейчас происходило самое интересное. Всунув топор в щель между косяком и дверью, Рэк вопросительно воззрился на меня. Я замер у двери, обратившись в слух. Не обязательно видеть происходящее. Даже по шуму можно очень многое

понять.

Правда мне сильно мешал крикливый дебил по ту сторону двери:

– Ищите их! Золотой лидер обещал! Вы слышали его слово! Во имя злата! Вернем себе статус, Прикормы! Я звеньевой Тупло говорю вам, братья – только злато! И ничего больше нам не надо! И…

Грохнувший взрыв заставил дверь застонать и пойти трещинами, в которые начал втягиваться едкий дым пахнущий чьей-то паленой шерстью. Вздрогнув еще разок, дверь выплюнула на пол несколько соединенных кровавым комком десны зубов и оскорбленно затихла. Из коридора послышалось еще более громкое:

– Ноги! Мои ноги! В жопу злато! Верните мои яйца! Верните мои яйца! Братья!

Я кивнул орку. И, когда дверь с облегчением рухнула, выйдя в коридор, улыбнулся корчащемуся на полу калеке, зажавшему окровавленный пах:

– Приоритеты меняются, да?

– Я… – выдохнул тот, смаргивая кровь с век.

Закончить ему не дали – Хван коротко ударил пяткой по хрустнувшей переносице и Тупло замолчал. Ему повезло – он не видел упавший ему на шею меч Каппы.

Оглядевшись и убедившись, что этот участок первого этажа временно вымер, я устремился в сторону шума – там, у лестницы на второй этаж, явно что-то происходило. Мы продвинулись шагов на пятьдесят и этот путь оказался максимально легким и не затратным. Перешагивая через мертвых, добивая еще живых и перешагивая уже через них, мы двигались к лестнице, а я внимательно рассматривал этих громогласных «Прикормов».

Мужики. Мужики. Мужики. Все в стальной броне, все накаченные, все на какой-то мощной химии, что выражается в венах тянущихся бесконечными толстыми буграми даже по лицам. Из оружия – огнестрелы и холодное. Мы миновали три

десятка трупов этих рыцарей, но я не заметил ни одного игстрела. А вот дробовики – да. Патроны – а эти славные малыши тут же перекочевывали к нам, хотя я не позволял сбавлять темпа продвижения – тоже не редкость. Короче – они вооружены только своим, но не системным вооружением. Прически – там, где сохранились лица, волосы или головы – выглядели однотипными. Что-то вроде очень длинного гребня идущего от лба по макушке и собранного под шлемами. Ну хорошо хоть не по спинам распускают свои гривы…

Плуксы… их куда больше. Тут где-то полсотни мелких тварей, что хорошо знакомы мне еще со времен Окраины. Кусачая злобная мелочь опасная только числом и только для совсем уж тупорылых гоблинов. Вся эта масса разбавлена двумя десятками реально крупных чешуйчатых тварей. Замершие или еще подергивающие лапы, пробитая чешуя, размозжённые головы, уродливые пасти предназначенные для измельчения плоти и высасывания крови…

Вот оно… я только что поймал недавно упущенную мысль. Вот оно… Но не сейчас – задам вопрос позже. Как раз вон там, у лестницы, намечается какое-то затишье и…

От лестницы послышался хлопок слабого взрыва, разлетелись в стороны темные фигуры, ударившись о стены, решетки и потолки. По нам врезала слабенькая взрывная волна, принес с собой вонь.

Я невольно вздрогнул, когда из-за окон, с территории Зомбилэнда, донесся вой сирены. Ну надо же… система только сейчас очнулась? Или же выжидала специально, давая хаосу время разрастись? Нас – наглых гоблинов, что ненадолго пропадали с ее радаров – она уже должна была успеть засечь, когда мы бодро вынырнули из заброшенной постройки и рванули к корпусам.

И на кой хер тут сирена?

Предупредить сурверов, чтобы спрятались в свои бетонные норки и затихли?

Предупредить героев и претов, чтобы убирались с охваченной безумием территории?

А может это просто звуковой эффект очередного локального конца света и его цель проста – вызвать оргазм у всегда мечтавших о подобной жизни сурверов?

И самый безумный вариант – система выражала собственные эмоции и пела от радости? Ведь это гребанное болото наконец-то оживилось.

Если бы… тут все куда прозаичней.

– Чего воет? – поинтересовался двигающийся рядом со мной Хван, методично наносящий по дохлятине под ногами удары лезвиями.

– Взрывы – озвучил я свое самое логичное предположение – Тут звучат взрывы. Ну и чужаки подвалили мутные. Стой! Этих пока не режь. Каппа! С Хваном на пролет выше. Только не поскользнитесь на этом дерьме и не сломайте шеи. Ну-ка…

Лестница… вся лестничная коробка, походила на опустевшую банку из-под малинового или вишневого варенья. Пустая, но все стенки покрыты слоем густого яркого варенья. Вот и тут так же – обильное красное, немного желтого и белого, чуток черных вкраплений. Вонь концентрированная, неописуемая, какая и бывает, если полсотни еще не посравших разнородных тварей перемолоть в блендере, которым послужили несколько взрывов.

Мясо, мясо, мясо, кровавая медленно оседающая муть и прелестный розоватый туман, втягивающийся в наши ноздри.

– Круто живете – не мог я не позавидовать, опустившись рядом с оглушенным мужиком, лишившимся правой руки по локоть и тупо смотрящего, как его левую кисть доедает серый плукс лишившийся всех лап.

– Ты… – на мне с трудом сфокусировался мутный взгляд.

– Оди.

– Оди?! Мы шли за тобой… а ты за нами?

– Ага – улыбнулся я – Вы все подохли зря – я отдыхал в палате у входа, попивая апельсиновый сок и любуясь сучьими буками.

– Сучьи буки! Во имя крови!

– Брат! – ожил рядом тот, кого я считал трупом, рывком перевернувшись на бок, скидывая с себя ошметки тел – Брат! Я тут! Во имя крови!

– Тут Оди, брат! Гребаный Оди тут!

– Я убью его! – очнувшийся прикорм выплюнул темную кровавую массу, моргнул единственным глазом, явно пытаясь понять, почему его обе руки похожи на бесформенные обугленные палки – Я… вот дерьмо! Вот дерьмо! Но я убью тебя, Оди! Руку оторвало? Она найдет путь! Верный путь к своему месту на моем могучем теле! И сомкнется на твоей глотке, Оди! Так, брат?

– Так, брат! – поддержал его первый прикорм, продолжая глядеть на серого плукса пожирающего его плоть.

– Если оторвет ногу – она найдет путь! Верный путь! И даст пинка по гребаной жопе гребаного Оди! Так, брат?

– Так, брат!

– А если тебе вырвать глаз и засунуть тебе же в жопу поглубже – он найдет свой верный путь? – поинтересовался я лениво, бросив короткий взгляд сначала на мешающего калеку, а за тем на орка.

Поняв все правильно, Рэк с готовностью вытащил свинокол:

– Надо попробовать! Глаз в жопу – и пусть ползет к своему месту!

– Что? Эй… эй… Э-Э-Э-Э-ЭЙ-Й-Й!

– Та-а-ак… ну не всхлипывай ты так. Ведь мы его вставим и он доползет… вернется! А дерьмо… Слушай… лопнул твой глаз, прикинь? Вот жопа… считай зря потратили твой глаз на полную херню…

– А-А-А-А!

– Надоело – поморщился я и с облегчением вздохнул, когда лезвие свинокола прошлось по глотке захрипевшего прикорма, отправляя того в иной мир. Это позволило мне вернуть внимание к первому и теперь единственному рыцарю:

– Как вы прошли золотую грань? Понимаешь о чем я?

– Мы не гномы. Мы не гномы…

– А кто вы?

– Прикормы. Боевые прикормы.

– А поточнее? Скрывать тут нечего – я же не о размере члена вашего золотого лидера спрашиваю.

– Ты убил деву золотого рыцаря…

– Ты убил деву золотого рыцаря – передразнил я – Ну! Кто такие боевые прикормы?

– Башибузуки.

– Это еще кто?

– Обезбашенные – донеслось от Джоранн – Или «сломанные головы», «безумные», а может «берсеркеры».

– Это предположение?

– Скорее перевод. Но не знаю с какого языка.

– Мы воины – выдохнул умирающий рыцарь – Воины низшей касты. Я добровольно низший. Рожден в темном тупике Стального Окрая.

– Стальной Окрай?

– Моя родина. Я таскал серую слизь, дрался в темных коридорах, батрачил на бригады и звенья, пил самогон в грязных барах… и мечтал о лучшей жизни. А вот и моя лучшая жизнь – я умираю в луже крови, так и не став кем-то… я умираю гребаным никчемным гоблином из-за чужой мести по чужой черной сучке… дерьмо! Запомни мой номер, герой Оди – две двойки, тройка, две восьмерки, три нуля. Запомни мой номер. И выпей за меня.

– Если выживу – сделаем. Давай быстрей, гоблин. Или умирай или говори. У меня нет времени. Прикормы – боевая низшая каста служащая гномам?

– Да. Мы гоблины служащие гномам. Они выбирают гоблинов, предлагают хорошие условия. Но жить приходится в вечном сумраке. Мы живем так, где не видит Мать. Гоблинши прислуживают гномам, моют полы, протирают мебель, делают массаж и отсос. Гоблины идут на грязные работы. Или становятся прикормами. Хорошая кормежка, много муштры, много дающей силу химии и много боев на потеху зрителей. И надежда получить статус…

– Какой статус?

– Статус гнома! – выдохнул рыцарь и на его лице появился намек на мечтательную улыбку – Статус гнома… Но не суждено. Убей меня, Оди. Больше я не скажу ничего.

Молча кивнув, я коротко ударил, дождался, когда глаза разговорчивого прикорма потухнут, затем добил безлапого плукса и поднялся, указав окровавленным ножом вверх. Продолжаем. Продолжаем идти на медленно удаляющиеся звуки бойни.

– К нам гости – предупредил Рэк.

– Вижу – вздохнул я, прерывая движение и убирая ботинок от ступени залитой кровью лестницы – Побыстрее.

– Ага.

К нам спешила пятерка зомби. Жалкие противники – уже побывавшие в нескольких боях, красующиеся свежими рваными ранами, у двух содраны

целиком лица, на темном сочащемся фоне диковато выглядят выпученные глазные яблоки, далеко не у всех на месте руки. Но бегут быстро и настроены решительно.

– Контроль – повторил я, глядя, как несущиеся зомби перепрыгивают горы свежего мяса, с каждым шагом становясь к нам все ближе – Гребаный контроль…

– Ты о чем, лид?

– Эти твари любят мясо. Они ранены. Им бы пожрать и восстановиться. Но они перепрыгивают вкуснятину и летят к нам… они под жестким командирским контролем, орк – я снова указал ножом в потолок – Он ведет их. Бросает в бой.

– В бой – повторил мои слова скользнувший вперед Каппа, одним ударом снося голову первому из противников. Поднырнув под когтистых запах, он полоснул по животу, вываливая кишки, а следом, резко присев и перекатившись, подсек колени второго. Я остался стоять на месте, глядя, как парни добивают тварей. Стоящая рядом Джоранн задумчиво поглаживала дробовик, явно жалея, что не может пустить его в ход. Все верно – оружие помощнее пустим в ход позднее. Хотя учитывая количество набранных нами патронов и тройку трофейных дробовиков – огнестрела можно не жалеть. А это что?

Наклонившись, я откинул в сторону чьи-то разодранные ребра и поднял из лужи облепленный мясом предмет. Поморщившись, опустил его обратно в кровь и хорошенько прополоскал. Поднял снова и широко улыбнулся – в моей руке сочился кровью револьвер. Щелчком откинув барабан, заглянул в каморы, вытряхнул на ладонь патроны. Шестизарядник. Под не слишком мощный патрон. Три патрона стреляных. Три целехоньких. Наспех вытерев находку, опустил все в поясную сумку и опять шагнул к лестнице. На этот раз проблем не возникло, и я быстро поднялся до второго этажа, где ненадолго замер на лестничной площадке. Покосившись на догнавшего меня Рэка, недовольно буркнул:

– Дыхание, боец!

– Чуток сбилось – признал орк – Торопился… исправлюсь…

– Ты сказал, что мандарин оторвал башку тому придурку.

– Какому именно? А! Понял. Ну да. Ударил лапой вот так – орк показал, как оранжевый плукс наносит удар передней лапой, сомкнув при этом пальцы – И башка улетела.

– А плукс?

– Замер на секунду… и побежал дальше…

– Контроль и тут – буркнул я.

– Да – согласился Рэк, убирая топор и берясь за дробовик – Плуксы ведь обычно сразу начинают кровь сосать. Ну или мозги. А этот… как солдат.

– Он и есть солдаты, Рэк. Солдаты мать его двух государств. В обороне армия вооруженных матерых зомбаков с их загадочным командующим. В нападении две силы. Большой отряд рыцарей-прикормов хотящих статус серебра или золота. И параллельно им стая плуксов ведомая Зеверой Отверженной.

– Откуда инфа?

– Так орал же тот золотой рыцарь.

– Ушлепок Туррион?

– Он.

– Ну да… отряд прикормов и стая с Зеверой. Погоди! Так Зевера это…

– Судя по имени – какая-то отверженная среди гномов, а может даже потерявшая статус баба. Но это просто догадка навскидку.

– Да я не про то… раз она ведет плуксов, то сейчас эта Зевера сидит в…

– В брюхе одного из плуксов – кивнул я – Сидит в живом мясном боевом скафандре и ведет стаю в бой.

– Охренеть! А я помню Клоаку жутким местом считал… а тут живая злая баба в жопе живого злого плукса… куда катится этот мир…

– Хватит стебаться. Двинулись вон к той горе пожеванных трупов.

– Двинулись. Сирена, лид. Она заткнулась.

– Она заткнулась – согласился я, удивленно вытаращившись на свои руки, которые, как оказалось, были заняты торопливой, но тщательной очисткой трофейного револьвера.

– Хорошая пушка.

– Вперед!

– Оди! – на подоконник шлепнулась сова с человечьим лицом – Ты… ой мля!

Сова с удивительной быстрой рухнула набок, канув за подоконник и выстрел Рэка ушел в пустоту.

– Д-д-дерьмо! – прохрипел орк, передергивая плечами – Я кажись наклал!

Снаружи послышался взрыв – вроде как сдвоенный, но прозвучали они практически одновременно. Сколько здесь смертников бродит? Каков запас взрывчатки?

Оконный проем перечеркнула уцелевшая сова, рванувшая куда-то в сторону и прочь от корпусов.

– Баба Яга! – я постарался вложить в это имя как можно больше рвущихся наружу эмоций – Вперед!

– Каргу небесную ждать не будем?

– В жопу!

– И поглубже!

На этот раз я не крался и не шагал. Перешел на бег, понимая, что надо поторопиться. Если я правильно оценил происходящее – а я сделал этот правильное – то сейчас происходит нечто крайне интересное.

Вырвавшиеся за нами из-под земли «прикормы» и «стая», две серьезные силы, рванули по нашим следам и вломились в здание. До этого момента у них все шло хорошо – по их пониманию. Но на самом деле процентов семьдесят из их числа тупо ошиблись и ломанули по заранее понятному сценарию – прямиком по гостеприимно широкому больничному коридору второго корпуса. Бежали уже вперемешку – прикормы бок о бок с плуксами. Обитающие в корпусе «нижние» зомби ошалели от такой оравы, но дали бой, без раздумий используя все имеющееся вооружение – в том числе бомбы смертников. Ожесточенные схватки и прогремевшие взрывы уничтожили до двух сотен рыл со всех сторон – плуксы всех размеров, зомби и прикормов. Остальная часть атакующих смяла сопротивление и прорвалась на второй этаж, где уже состоялось несколько сшибок – но при этом не столь ожесточенных. Вон ту и ту кучу мертвой плоти я за многочисленные жертвы считать не стану – там больше зомбиного гнилья инвалидного навалено. Теперь ближайшая к нам схватка происходит где-то в третьей четверти второго этажа и атакующие все еще нихрена не сообразили. Эти охреневшие от ярости, боли и желания получить статус ушлепки думают, что все еще преследуют нас, наседают нам на пятки, круша при этом наших соратников. Они преодолевают шаг за шагом, щедро поливая пол кровью и заваливая вспоротыми кишками. А мы тем временем осторожно идем следом, добивая чудом уцелевших, потихоньку обогащаясь информацией. И нас даже не слишком поджимают сзади – пусть ко второму корпусу и ломятся сейчас все аймы и ранды Зомбилэнда, но им не прорваться – где-то там под нами остались и прикормы и плуксы с их внутриутробным вожаком. По сути, мы сейчас меж двух огней. Но в этом вся соль. В этом вся выгода ситуации.

И все же…

Пробежав немалый отрезок коридора, приблизившись к очередной потасовке, откуда доносились жалобные вопли познавших истинную боль прикормов, я упал за гору трупов, рядом попадали остальные бойцы.

И все же…

Вытянув руку, я улыбнулся хрипящему рылу заваленному телами еще живому прикорму и оторвал кусок его сохранившей свежесть синей футболки. Не обращая внимания на агонизирующего гоблина пытающего достать зубами до моей щеки, я принялся полировать прополосканные в крови револьверные патроны, покачивая головой.

И сука все же…

– И сука все же, как не крути, нас сейчас ищет сука командующая прямо из жопы плукса! – не выдержал я и криво усмехнулся – Внутрижопный лидер боевого отряда! Дерьмо! Смеяться? Плакать? Вытащить суку из жопы плукса, вспороть ей брюхо и запихнуть обратно в жопу?

– Мне нравится про жопу! – заметил Хван.

– Наконец-то – буркнул я – Становишь жестче и внутри. А то был мороженкой в хитине.

– Таракан ванильный! – поддакнул всегда любящий чужое унижение орк.

– Урод тупой! – встала на защиту задумавшегося над мои словами призма.

Каппа остался молчалив.

– Вперед! – буркнул я и поднялся, не обращая внимания на чуть ли не потусторонние слова и искусственное уханье, доносящееся снаружи:

– Оди! Оди! Куда ты делся? Оди!

Но как же нудно!

– Оди! Оди!

Как хочется пристрелить эту птицу…

– Оди…

Пробежав пару окон, я не выдержал и рявкнул, избегая высовываться наружи и вообще маячить в центре оконного проема:

– Свали, ведьма! Подстрелят птичку! Или я сам это сделаю!

– Это все ты?!

– Я!

– Синий свет?

– Да!

– Надо что?

– Кассандра.

– Она только что вошла. Оплатила весь тамбур. Тащит с собой пятьдесят крепко вооруженных рыл. Движется маршем к первому корпусу.

– Передай ей – тут мясорубка! Пусть идет по нашим следам. И пусть боится подвала заброшенной котельной – оттуда и вылазят эти упырки.

– Уже нет! Мать дала приказа трем ближайшим сурверам. Отпустила с поводков.

– И?

– Несколько минут назад они закрыли ту дверь. Двое погибли там же и Мать взорвала их пояса. Третий уполз искалеченным. Он еще ползет навстречу одному из посланных мной сквадов.

– Подобрать или добить его послала?

– Подобрать! Я добра ко всем крому гребанного сученышка Джона Доуса, чтоб его во сне удушила его резиновая шлюха!

– Передай ему привет и скажи, чтобы не высовывался.

– Да пошел он! На кой он тебе сдался этот никчемный придурок?!

– Ну как… он же хочет всего ничего – фыркнул я, отодвигаясь от подоконника и уходя в тень – Стать легендарным сурвером, стать королем сурверов и сперва морально, а потом и физически отыметь старую гребаную Бруху.

– А?!

– Я ему обещал… придется сдержать…

– ОДИ!

– Не ори! – рыкнул я и, пригнувшись, снова рванул по коридору, нацелившись на следующую гору дохлятины, что напоминала очертаниями раздувший круассан. Откуда я знаю, как выглядит круассан? И что за странные слова лезут в мою разгоряченную голову? Шерше сука ля фам, лямур пу тюэ…

Сверкнуло.

Метрах в пятидесяти от нас из палаты выскочил факел и с воплем вылетел в окно. Следом выскочил еще один «огонек», что заметался от стены к стене, ударяясь о них и отскакивая. И третьим медленно вышел голый зомби в красной бейсболке, розовых огромных очках и с ранцевым огнеметом. Рванувшееся пламя поджарило до конца бегучий огонек и заодно опалило ту кучу дохлятины, которую я считал хорошим убежищем.

– Во дерьмо! – заметил я, вскидывая дробовик и залпом картечи разбивая розовые очки – Сними розовые очки, сука! Тут жопа!

Разбросав тухлые мозги огнеметчик завалился, продолжая нажимать на спуск и задирая ствол в потолок. Описав красивую огненную брызжущую дугу, пройдясь по стене, потолку и снова по стене, зомбак замер на боку, посылая пламенный сноп перед собой. Злое пламя, с ревом взбираясь вверх по стене и охотно расползаясь, окутало его фигуру, перекинулось на остальные тела. Подбежавший к нам визжащий «огонек» напоролся грудью на лезвие

шагнувшего вперед Хвана и облегченно выдохнул, понимая, что невероятная боль наконец-то кончилась.

– Слишком долго он бегал – заметил я, перезаряжая дробовик.

– Да – кивнул Каппа – Да.

– Почему не отрубился от болевого шока раньше? – задумалась и рыжая, брезгливо морща нос – Накачан химией?

– Щас как… – начал Рэк.

Это был не взрыв. Просто хлопок. Топливный бак огнемета лопнул, превратив коридор в адскую домну перекрывшую нам путь. Ждать? Нет. Не вариант.

– По стене. Влево. Там нет решетки.

Пройдя через палату, расшвыривая ржавые кровати на колесиках, с примотанными к ними костяками и полу обглоданными телами, я добрался до окна, стараясь дышать через рот, чтобы не задохнуться от дикой вони. Вот куда попали те преты и герои, что были взяты зомбаками живьем. Их, с переломанными конечностями или хребтами, притащили сюда и бросили на кровати. Некоторых даже не пришлось приматывать. Зато каждого снабдили тугими жгутами у основания каждой конечности. Я могу поспорить на что угодно, что именно с конечностей пущенные на кормежку здешние обитатели и начинали жрать. Отожрал пятку и голень – на сегодня с тебя хватит, ублюдок, топай на пост! Следующий! Твое левое колено и часть ляжки! Жуй тщательней, не смей тянуться зубами к вкусному мягкому животу или тем жирным сиськами! Колено! Глодай колено, солдат! А кишками и печенкой займемся позже – это основное блюдо…

Сколько жили те, кого жрали живьем, откусывая по немножко каждый день?

А хрен его знает. Дай яйцеголовым эту тему и они, без малейшей брезгливости, глубоко изучат эту тему, а затем породят толстенную монографию. А мы… а мы простые гоблины и действуем тоже по-простому. Мы особо даже не задумываемся и просто шагаем дальше.

Прыгнув на стоящую у окна кровать, я вызвал стон у лежащего на нем бесполого трупа с обглоданной головой. Длинные светлые волосы содраны, скальп брошен тут же, темнеет изборожденная зубами макушка черепа, подергиваются жалкие ошметки на том, что некогда было даже не лицом, а лицевой костистой подложкой. От самого лица не осталось ничего. Как это вообще может жить? Почему в этом истерзанном теле еще теплится жизнь? «Это» еще ворочало головой и, наверное, думало, что говорит что-то, не понимая, что давно не имеет вырванной с корнем нижней челюсти и сожранного языка. Рэк коротко ударил ножом, перебивая почти сохранившееся, но уже темное от стремительно подступающей гангрены горло. Испустив последний вздох, дернувшаяся на кровати истерзанная жертва оросила кровавым плевком-стоном мой вставший на подоконник ботинок и затихла. Я недобро глянул на Рэка и орк развел лапами:

– Кто ж знал, что, делая добро, обляпаешься? Буду знать! Это на меня Хван так влияет!

Ничего не ответив, я глянул наружу, чертыхнулся, увидев пялящийся на меня закопченный и дырявый зомбо-обрубок украшающий газон, шагнул пару раз по узкому крошащемуся карнизу и заглянул в следующую палату.

Дерьмо…

Палата до потолка была завалена костьми. Сухими старыми костьми, рваньем и ржавьем. Все вперемешку. И тут не пройти. Дальше…

Третья по счету палата оказалась чуть свободней. Еще одна столовка. Но на этот раз блюда посвежее и поразговорчивей.

– Брат! Брат! – перепугано зачастил во весь голос примотанный тросом к постели парень, что был смутно мне знаком – видел его совсем недавно в городке – Оди! Это же Оди! Живем!

– Заткнись! – велел я и парень осекся, понятливо закивал.

Остальные остались безучастны. Трое хрипят, четверо стонут, двое в том почти конечном состоянии, когда ты во весь искусанный рот улыбаешься, шагая за грань откуда нет возврата, еще около десятка «живых пайков» давно почернели

и медленно разбухают. Этим уже на все и навсегда плевать.

– Это жопа! Это жопа! – снова открыл пасть чернявый паренек, указывая слезящимися глазами на свои руки и ноги. Мог и без этих бешеных кивков обойтись – его конечности еще никто не жрал, но они уже побагровели, местами потемнели и в целом умерли, слишком туго перетянутые разорванной красной тряпкой. Кто-то из зомби-санитаров перестарался при подготовке пациента к оздоровительной процедуре пожирания.

– На этом ты ходить уже не будешь – вынес я диагноз бедолаге, пиная стетоскоп и перешагивая через череп насаженный на чуть ли не ведерную клизму – Лежи. Или ползи. Жди.

– Вытащите меня.

– Нет.

– Ладно… ладно… просто ослабьте жгуты! Ослабьте жгуты, герои!

– Ты совсем тупой? – скривилась прошедшая мимо кровати Джоранн и мягко провела отточенным ножом по темному горлу одного из агонизирующих, выпуская на ржавую сетку кровати вялую кровавую струю – В твоих конечностях скопился яд. Если снять жгуты…

Ее никто не слушал.

– Я прошу! Снимите жгуты! А ты молчи, дура тупая! Я с мужиками разговариваю!

– Помоги парню, Джоранн – велел я, не оборачиваясь – Он знает, что просит.

– Я знаю, что прошу, дура! Помоги мне!

– С удовольствием – улыбнулась рыжая, один за другим обрезая пережавшие кровь жгуты – Живи долго и счастливо… герой…

– Да пошла ты! Пошла ты! Я еще всех перетанцую!

– Заткнись – повторил я и парень заткнулся, закивал… а затем вдруг что-то задумчиво затих, удивленно уставившись в потолок.

Дальше я не смотрел. Открыв дверь, позволил упасть внутрь дымящемуся трупу и, мягко наступив на хрустящую зажаристую корочку его лица, шагнул, возвращаясь в коридор. Опять что-то чавкнуло и я испачкал уже второй ботинок. Коротко оглядевшись, я припустил вдоль стены, огибая трупы, перепрыгивая кусачих раненых. Закопченное оружие я уже не подбирал, с сожалением оставляя за спиной запасы патронов. Мы и так перегружены выше некуда, а облегчающей подсумки и хребты шквальной стрельбы пока не состоялось. Но состоится. Обязательно состоится…

У лестницы мы вынужденно притормозили, упершись в настоящую трупную гряду политую кровью. За грядой слышались стоны, хрипы, доносились звуки ударов, к потолку то и дело подлетали чьи-то обрубленные пальцы, лапы, а порой и головы. Как там весело… наступив на податливое плечо трупы, я приподнялся, глянул, оценил увиденное и выстрелил из двух стволов, целясь по ближайшему сцепившемуся квартету из трех зомби и одного стального рыцаря. Подпрыгнувший Рэк повторил и радостно рыкнул:

– Чавкнул мозгами!

– Рыцарь?

– Не… тому чан помяло. Но жив. Хотя шатается…

– Ах вы суки! – укоризненно донеслось из-за гряды – Разве это мужской поступок из-за угла в ухо стрелять? Вам сука не стыдно?!

Вместо ответа я отбежал к стене, подпрыгнул и пальнул еще раз, накрыв вторую группу сцепившихся. А затем, торопливо выбрасывая отстрелянные гильзы, кивнул Хвану, что застыл метрах в пяти. Разбежавшись, призм прыгнул, подлетев под потолок. Красиво пролетел над грядой и рухнул по ту сторону, после чего там поднялся дикий рев, а в потолок ударила струя крови, смывая чье-то прилипшее глазное яблоко.

Взобравшись и перевалившись следом, я едва не поскользнулся на чавкающем холодце и, уперевшись спиной бахнул по действительно шатающемуся рыцарю в

серьезно исклеванных и местами пробитых доспехах. Испустив оглушающий вопль тот тяжко рухнув, подмяв под себя милую красную крохотулю плукса. Чавкнуло, брызнуло. Весь покрытый кровью призм опустил лезвия и задумчиво поворочал уродливой башкой, изучая пласты нашинкованного мяса.

– Вверх! – велел я, не давая ему возгордиться – И в следующий раз режь тоньше!

– Как сашими! – добавил Каппа – Я научу тебя. Это обязанность старшего и более опытного воина.

– Спасибо! – смущенно склонил башку призм.

А я уже поднимался по заваленной трупами лестнице, отмечая, что тел стало куда меньше, а шум следующей уже не столь ожесточенной схватки слышится гораздо ближе. Атакующие замедлились. Их ряды поредели. Но они еще не выдохлись и сумели сохранить раж. Золотой или серебряный статус для этих придурков настолько важен?

– По коридору второго этажа прет толпа! – передала снизу Джоранн.

– Ускоряемся – бросил я, вываливаясь на третий этаж – Ух ты…

На полу распластался настолько огромный темно-серый дохлый плукс, что обойти его было нельзя. Пришлось штурмовать еще одну гору дохлой плоти, взбираясь на вершину и скатываясь по совсем не ровному чешуйчатому боку. Пока мы проделывали этот фокус, карабкаясь по жопе гиганта, я мельком оглядел количество его ран и изумленно покачал головой. Неимоверно живучая тварь. Тут в буквальном смысле слова десятки ран со всех сторон. Разрезы, проколы, разрывы, ожоги, торчащие из тела рукояти вбитых топоров, тесаков и даже обломанные вилы, а все это покрыто метрами рваной стальной и веревочной сетей, в довершении всего там же запутались провода электрошокеров. Такое впечатление, что тут сражались с почти бессмертным мифическим драконом. И победа далась великой ценой – за каждую нанесенную ему рану серый гигант забрал минимум по одному зомбаку. Только тут, на третьем этаже, он подмял под себя и разорванными набросал вокруг, никак не меньше пятнадцати крепких мертвяков. А ведь плукс поднимался с первого этажа, преодолев каждый метр собственными лапами.

– А дерьмо – заметил я, увидев головную часть твари, что тоже была изрезана и исколота, но в дополнении еще и украшена двумя рядышком легшими дырами. Крупный калибр. Пули? Непохоже.

Присев, я глянул внутрь ран, наспех с силой резанул ножом, сунул ладонь, раздирая трескучее мясо. Нащупал что-то и с силой потянул на себя, вытянув из кровавой дыры стальной костыль длиной от кончиков моих пальцев до локтя.

– Охренеть! – пораженно выдавил орк – Это что за хер железный?! Командир. Смотри. Тряпки из горлышек.

Орк ткнул пальцем в лежащего ничком безголового и порванного пополам зомбака, нежно сжимающего пару бутылок.

– Старый добрый коктейль – кивнул я – Подбери.

– Ага. Ого… у него на обрубке шеи ошейник, а на нем зажигалка на цепи. Хрена себе пес сторожевой!

– Вперед – мотнул я головой, бросая тяжелый костыль на пол и бросая задумчивый взгляд на заваленный трупами и костьми коридор третьего этажа – Марш-бросок. За мной!

И мы рванули. Пользуясь тем, что продолжался бой, мы бежали по опаленному дымному коридору, перепрыгивая тела и минуя больничные палаты, где тоже кто-то дрался, вопил, скулил, кого-то жрал, ослепшим тыкался в стены, тупо сидел в углу, пытался приладить оторванную ногу к хлещущей кровью культе, а в одной палате страстно трахались, причем явно по обоюдному согласию. Раскинувшаяся на ржавой кроватной сетке нагая девушка стиснула бедрами ритмично дергающегося мужика, страстно постанывай, покачивая рукой засевший в его потной окровавленной спине нож, в другой держа нацеленный на дверь дробовик и не обращая внимания на сочащуюся кровью повязку на своей шее. Все в последний раз, да, бойцы?

– Сзади здоровенные плуксы, командир! Сейчас поднимутся! С ними толпа стальных дебилов!

Кивнув на бегу Джоранн, я еще ускорился, нацелившись на то, что с полным правом можно было назвать великанской кучей чьей-то кровавой блевоты. На самом деле это были буквально изжеванные и выплюнутые тела зомбаков, украшенные вишенками мелких плуксов и парочкой стальных дебилов.

– Ныряем! – велел я, подавая пример и плюхаясь на гребень склизкой тошнотворной горы, что пузырилась, выпуская на волю рвущиеся из жеваных кишок газы.

– Туда? – ахнула было рыжая, но тут же прыгнула следом, втискиваясь бедрами в щель между двумя освежеванными торсами.

Нам потребовалась пара минут, чтобы устроиться поудобней внутри мясной горы. Убедившись, что мы закрыты со всех сторон, я отдал следующий приказ:

– Рэк! Приготовь один из коктейлей Молотова. Когда скажу – поджигай и разбивай о стену над нами. Так чтобы все стекло прямо на трупы.

– Так ведь и на нас.

– Готовь!

– Понял.

– Там здоровенный оранжевый плукс – зашептала устроившаяся между мной и призмом Джоранн – Видела мельком. Такой здоровый, что ему тяжело подниматься по лестнице. И он в кольце охраны.

– Вот и Отверженная. Рыцарей сколько?

– Засекла не меньше двадцати прикормов. Но они не новенькие.

– В смысле – уже в бою побывали.

– Точно! Порванные все.

– Движение в коридоре, лид – ожил Хван – Приближаются.

– Давай, Рэк! Если кого припечет – не орать и не дергаться! Пускайтесь шипящий сок и жарьтесь молча! – велел я и мясная липкая гора ответила мне дружным вздохом.

– Запечем жаркое! – тихо рыкнул орк и над нами послышался стеклянный звон.

– Давай еще одну!

– И чтобы корочка хрустящей была!

Еще раз звякнуло. Пахнуло дымом. Запахом спирта, бензина и чего-то из бытовой химии вроде как. Над нами зашипело. Сверху донесся долгий хриплый выдох боли:

– Бо-о-о-льно…

– Прикорм пожеванный еще дышит – изумился Хван и, с трудом частично высвободив лезвие, ткнул им в мясной потолок – Во дает… я ж на его печенке выпавшей сижу!

– Кх-ха-а-а… – с облегчением выдохнули сверху и затихли.

– Домом пахнет – удивительно эмоционально заметил Рэк.

Втянув забитыми чужой запекшейся кровью ноздрями воздух, я подтвердил:

– Прямо как в баре родной Окраины. Жаркое плукса. Компот. И самогон.

– Эх! Командир! Как в Уголек вернемся – выпьем?

– Ага. А теперь заткнитесь. Ни звука. Ни вздоха. Замерли!

По коридору тянулась следующая темная волна гномьей рати. Упорные. До чего же упорные. Они не могли не знать, что их путь назад отрезан. Отступить

больше некуда. Самое время забиться в угол и начать торговаться с системой – вдруг откроет щелку и пустит вниз. Ну или пытаться пробиться с боем наружу, начав с самого очевидного – тот же угол, рубка деревьев, штурм стены Зомбилэнда. Но нет. Отряд Прикормов и стая Зеверы Отверженной продолжали атаковать второй больничный, стремясь отыскать гоблина Оди любой ценой.

– Они близко – прошептала Джоранн, ласково проводя ладонью по стволам дробовика – Они уже тут…

Глава вторая

Сплоченная враждебная масса протиснулась сквозь познавший множество смертей коридор, краем зацепила пылающую мясную кучу и… прошла мимо, не обратив особого внимания на поджаривающееся мясо. Мимо нас один за другим не бежали, а размеренно шагали плуксы и рыцари, переставшие опрометью гнаться за неуловимой целью. Теперь они продвигались по всем правилам военной тактики. Две волны разведчиков, что совались в каждую палату, попутно уничтожая там зомбаков и порой добивая особо тяжелых своих. За разведчиками уже двигалась основная масса, представляющая собой стальную стену выставленных щитов с зарешеченными оконцами, за которыми блестели рыцарские шлемы. Под защитой стали шагали и плуксы-гиганты, покачиваясь и неся на себе сложную сбрую с небольшими платформами-сиденьями на боках, где разместились рыцари-стрелки, вооруженные чем угодно, но только не дробовиками. Вернее дробовики – максимально укороченные обрезы с тремя стволами – тоже были, покачиваясь на поясах. Но в руках стрелки держали винтовки с рамочными стальными прикладами, длинными дулами и торчащими вправо рычагами затвора. Выстрелил, перезарядил, выстрелил, перезарядил. Еще одно вооружение… я едва не зашевелился под мясной кучей, увидев в руках прикормов несколько штурмовых винтовок. Автоматы. В разгрузках поверх стальных кирас забитые магазинами. Стволы автоматов и винтовок угрожающе ходили из стороны в сторону, нацеливаясь в окна, двери палат, снова возвращаясь к коридору.

Протискиваясь мимо нас, они проявили небрежную осторожность, пальнув по горящему мясу из дробовиков. Пылающие тела над нами дрогнули, принимая залпы картечи. Мы остались неподвижны. И гномы с плуксами прошли дальше

по коридору, «волоча» за собой хвост из мелких плуксов и нескольких подраненных прикормов, что хромая и ругаясь, тащили битком набитые рюкзаки и редкие носилки с ранеными.

Едва не сожрав себе губы от зависти и злости, я проводил взглядом парочку прошедших совсем рядом рыцарей прикрытия вооруженных винтовками. Дергаться нельзя – основной отряд еще близко.

Ждать…

Ждать, гоблин.

Ждать…

Ждать и впечатляться – я увидел оранжево-красное огромное пятно в центре отряда. Сверкающей чешуей плукс в самом сердце их построения. Плукс без сбруи. Тяжко шагающий плукс, что наверняка несет в себе ее – суку жрицу Зеверу Отверженную.

Хотя я особо не впечатлился. Это все дерьмо. Гоблинов-командиров не только из чешуйчатой жопы выковыривали. Моя память блокирована. Но я знаю, что людская история насчитывает сотни войн, в которых вражеских командиров то и дело выковыривали из бронемашин, блиндажей и даже бункеров.

Тут надо не впечатляться, а искать оружие помощней. Дробовиком с таким гигантами мне не справиться. Я помню ту огромную серую тушу в начале коридора с десятками глубоких ран. Мне нужна как минимум штурмовая винтовка с хорошим запасом патронов. И тогда я рискну потягаться с любой из этих кровожадных тварей.

Ладно…

Ладно…

Напружинив ноги, я подался вперед и, подобно кровавому сгустку вытек из кучи дохлятины, оказавшись у ног нихрена не понявшего рыцаря со странноватой винтовкой на шее, рюкзаком за спиной и руками сомкнутыми на рукоятях

носилок. Рывком поднявшись, сплевывая кровавую жижу, я приставил нож к его горлу, с первого раза приложив лезвие к месту, где кончалась кольчужная шейная защита и начиналась мягкая и потная небритая плоть.

– Сдаюсь! – вякнул прикорм, правильно оценивший местонахождение острого лезвия, что уже подпортило ему брутальную небритость – Конвенция о правах военноп…

– Не слыхал – улыбнулся я и перерезал ему глотку.

Свинокол Рэка глубоко ушел в глазницу шлема второго носильщика. С грохотом рухнули носилки, лежащий на них раненый с залитым клеем разодранным животом взвыл от боли и пришел в себя – только чтобы увидеть вонзающееся в его грудь лезвие-руку страшного призма облепленного кровью и дымящегося.

Каппа прикончил двоих – вялых и явно неопытных кое-как снаряженных тупорых гоблинов шагавших последними. Парни явно отдыхали после своей смены на носилках. Позволить более опытным бойцам тащить носилки, а зеленым новикам доверить их охранам? Эти ушлепки сами виновны в своей позорной смерти.

Присев, я велел:

– Натягивайте на себя их броню – недостающие элементы. Попробуем на расстоянии сойти за своих. Хван! Догони ту суку на костыле!

– А-а-а-а! – завопила сука и, бросив костыль, рванула прочь по коридору, в то время как сопровождавшие ее два плукса наоборот бросились к призму.

Толку?

Богомол попросту перепрыгнул их, оставляя бросившемуся следом Каппе. А сам в несколько прыжков догнал бегунью. Та, поняв, что не убежать, выбрала единственный шанс спастись – ласточкой нырнула в окно. Круто затормозивший призм сунулся в то же окно и ударил обоими лезвиями. Подался назад, втягивая руки и висящую на лезвиях хрипящую суку с перекошенным лицом.

– Дура что ли? – пораженно спросил призм корчащуюся девку – Ты бы разбилась!

Та не ответила и призм повернулся ко мне.

– Догнал, командир! Дальше что?

– Предложи ей чаю! – рыкнул я – Хван! Сбрось это дерьмо! Джоранн! Подтяни ему броню!

– Да!

– Бросаю – призм дернул плечами, и скулящая баба рухнула с третьего этажа.

Один за другим опустошая карманы рыцарских разгрузок и сваливая барахло на стальную грудь одного из трупов, выбрав того, что почище, я поглядывал на бойцов и давал указания, кому и что добавить.

Рэк сменил шлем, получив в принципе точно такой же, но украшенный тупорылым тройным высоким гребнем из стали, что зацепится за любую хрень и поможет отправить своего владельца на тот свет. Еще орк добавил бахромы на наручи, остальные успели сделать то же самое, после чего я не выдержал и рявкнул жизнеутверждающе-отменяющее:

– В жопу гребни! В жопу бахрому! Сдирайте сука все.

– Один хер мы на них не похожи, командир – поддержал меня Рэк, отшвыривая шлем – И лохань эта рвотой воняет. Аж глаз режет.

– Закупорь башку родной кастрюлей! – велел я и орк поспешно натянул пригнанный по всем правилам шлем, довольно осклабился за прозрачным забралом.

Закончив рыться в карманах дохляков, я начал выбирать самое ценное. Распихал по собственным уютным кармашкам боеприпасы, спрятал за пояс пару удобных для метания ножей. И взялся за странноватую винтовку.

Огнестрел. Снизу квадратный магазин. Два таких уже в моих карманах, на каждом по жирной цифре «10». Одна цифра зеленая, другая красная. В самой винтовке магазин с красной. В наличии предохранитель. Спилена для чего-то

скоба вокруг спускового крючка. Ствол коротковат. Ну… чем-то похоже на кустарно исполненную автоматическую винтовку. Но магазины на десять патронов? Это же бред. Новичок пальнет раз и все. Ветеран даст три очереди. Профи… ну этот еще на одну куцую очередь растянет удовольствие. Маловато. И надо испробовать в деле.

– Командир? – увидев склонившего голову Хвана я успокаивающе кивнул:

– Ага. Тихо и тревожно. Все норм. Просто они тишину поймали. Остановились.

– Зачем?

– Ну… скорей всего их разведку сожрали зомби – ухмыльнулся я – И они пытаются понять, что делать дальше.

Привалившись к стене, я забросил ноги на труп и облегченно выдохнул – пояснице хорошо.

– Шаркает – это ожил Каппа, глядящий в сторону, откуда мы явились – К нам направляется старый бесстрашный воин. Одинокий воин. Он слишком горд, чтобы отступать?

– Ему просто посрать – буркнул я и, чуть повысив голос, крикнул в коридор – Эй, старпер! Тебе посрать?

– Пошел нахер! – донеслось из-за череды дымящихся трупов – Сосунки обделанные, обосранные, говорливые! Заткнитесь все!

– Ему посрать – подтвердил Рэк – Что дальше, командир?

– Снова отдых. Я оцениваю.

– Что?

– Тактический гений лидеров того невнятного разваливающегося отряда – я качнул головой уже в другую сторону – Там два отряда в куче. Повелительница стаи плуксов и лидер отряда прикормов. И что-то не верится мне, что кто-то из

них согласится уступить власть другому.

– Это же хорошо?

– Это дерьмово. Их агрессия должна быть направлена наружу, а не вовнутрь. Зомби победят этих придурков, бойцы. Так что готовьтесь к жаркой драке наверху. А пока отдыхайте – минут десять у нас точно в запасе. А дальше уже посмотрим, что они решат.

– Эй! Хренососы! Среди вас есть говнюк Оди? – шамкающий, но все еще твердый и очень злой голос дошедшего до нас наконец рыцаря заставил отвлечься от обсуждения.

Я молча поднял руку, представляясь.

Опираясь на приклад длинноватого четырехствольного переломного дробовика, старый рыцарь впился в меня блеклыми глазами. Щиток шлема поднят, ноги широко расставлены, ладони на прикладе. Вызывающая бесстрашная поза. Но на самом деле старику так просто удобней стоять – легче выдерживать ставшую для него уже непомерной тяжесть доспехов и рюкзака. А дробовик давно превратился в посох – вон как блестят его вечно трущиеся о пол стволы.

– Тебе бы сдохнуть уже, старик – посоветовал я.

– Все мы сдохнем – ответил дедушка и, обведя долгим безразличным взглядом тела прикормов у своих ног, заметил – Многих из них учил я.

– И дерьмово же научил.

– Как меня учили – так и я учил. Я орк Вефнор. Бывший гоблин. Добровольно низший. Серебряный статус. А ты че вякнешь?

– Гоблин Оди. Все остальное – труха.

– Вижу не торопишься?

– Они думают – улыбнулся я, кивая в сторону впавшего в ступорную ругань отряда гномов.

– Тупорылы! – скривился старик и покосился на Рэка – Че зыркаешь, громила? Дробовик мой пососать хочешь? Или сразу хер мой лизать начнешь? Я сегодня добрый – выбирай.

– Да пошел ты – мирно ответил орк и уселся рядом со мной – Но если вскинешь свой дробовик или хер седой – прострелю башку.

– А целиться умеешь?

– По старперу не промажу.

– Ну ты герой прямо.

– А так и есть. Герой – осклабился Рэк и повернул харю ко мне – Там че-то задвигалось в самом конце.

– Ссорятся – ответил я.

– Срутся! – добавил Вефнор – Почему не хотите ударить им в спины?

– Тебе че надо, дедушка? – поинтересовался я – Зачем меня спрашивал?

– Просто харю твою увидеть хотел. И вот сподобился. Спасибо.

– Рад исполнить желание. Хочешь научу тебя летать?

– Из окна и сам спрыгнуть могу. Выпьешь?

– Не.

– А я выпью. Перед смертью – закряхтев, старик опустил седалище на стальную спину одного из своих дохлых учеников – Побеседую с достойными людьми.

– Тут нет людей, гном. Тут гоблины и гниды. В этом мире вообще нет людей.

– Вот и тема нашлась.

– Не – покачал я головой – Давай без этого. Тема интересная, не спорю. Но ты ведь о другом поговорить хотел?

– Мозги еще целы?

– Ты о чем?

– Мы дуреем, парень. Ты не замечаешь? Весь этот мир провалился в клоаку именно поэтому – мы дуреем! Нам сука конец! Порочный круг, порочная гнойная жопа. А кто виноват? Она! Мать!

– Вот это неожиданно – признался я и, наведя винтовку на старика, нажал на спуск.

Звук выстрела был удивительно негромким. Так… не больше, чем кашляющий хлопок. В боку стального панциря трупа, что служил сиденьем старику, образовалась неплохая дыра – можно просунуть указательный палец. Через пару секунд из глубокой раны повалил едкий дымок.

– Дерьмо тебе в уши, пацан! – сморщился недовольно старик и глянул на призма – Эй, урод. Я жопу приподниму, а ты мне скамью поменяй.

– Конечно, дедушка. А через коридор тебе перейти не помочь? Чтобы сразу в окно – и харей в газон или в тухлые кишки.

– Подобрал ты парней. И эта сука вон как зыркает.

– Я тебе лицо срежу, пердун старый! – ответила рыжая, доставая флягу с водой.

– Поменяй старику скамью – кивнул я призму, и богомол пришел в движение, пинком отшвырнув дымящийся труп и тут же подтащив другой. Дедушка снова уселся, пожевал губами и кивнул:

– А вообще да – научите меня летать. Минуток через пять переведите меня убогого через коридор – и в окно. Оттуда не видно океан?

– Не.

– А йодом и водорослями не пахнет? Чем пахнет это место?

– Цветы, хвоя, буки, вонь старперов и померших надежд.

– Ну уже отлично! Хоть что-то новое!

– Вонь старперов?

– Буки!

– Почему мы дуреем, старик?

– Они стирают нам память, гоблин Оди.

– И что?

– Если всего раз – как у большинства – то ничего. Но я долго живу на свете. И лично знал и знаю тех, кому память стирали уже несколько раз. И знаешь что? Эти бедолаги превращаются в ублюдков! Им вместе с воспоминаниями стирают и границы дозволенного! Они убивают с той же легкостью, с какой я открываю банку пива! Им становится на все плевать! А на их лицах поселяются вечные мрачность, злость, агрессивность, нежелание и неумение долго кого-то слушать. Я знаю! Вон тот громила что сидит рядом с тобой – сколько раз его ментально кастрировали? Судя по тупой недовольной харе – раза три уже?

– Ты бредишь, старик – поморщился я.

– Мальчишка! Что ты знаешь об этом мире!

– Этот мир губят не агрессивные низшие, старик. Этот мир губят улыбающиеся высшие. И ты знаешь это.

– И эти тоже. Со всех сторон сжимают! Ладно я – свое уже пожил. Надоело! Хочу умереть! Давно бы руки на себя наложил, но… вдруг там за это спросят?

– Где там?

– Не прикидывайся тупее чем ты есть, мальчишка!

– Ну-ну… ты прямо озадачил меня, старик.

Достав из набедренной сумки стальную флягу, старик со скрипом отвинтил крышку, сделал несколько больших глотков. В коридоре пронесся запах крепкого спиртного, шумно сглотнул Рэк и в него тут же ткнулся палец стальной перчатки:

– Неуемно жадный до выпивки! Дай угадаю – и до баб тоже жаден! По лицу вижу – стирали тебе память уже не раз. А вместе с ней стерли и порядочность.

Рэк угрюмо молчал. Молчали все. Далеко от нас, в том же коридоре, у самой лестницы на четвертый этаж, звучали злые голоса наполовину втянувшегося на лестницу вражеского отряда. Они продолжали ссориться и продолжали стоять на месте.

– О чем думаешь, гоблин Оди? – снова заговорил старик, держа поблескивающую флягу на колене.

– О синем свете – насколько он дорог главному среди зомбаков?

– Я не понял ни слова. Что такое синий свет?

– Комната. Там над нами. Может в нескольких метрах от нас, если по прямой – я поднял лицо к железобетонным перекрытиям потолка – А в комнате синий свет.

– И почему он дорог главному среди зомбаков?

– Может и не дорог. Может дорог. Может взорвет, а может нет. А если к сути – взорвется ли вскоре весь второй больничный корпус, похоронив нас под обломками или же не взорвется?

– Дерьмо! – заметил Хван, закрутив башкой и защелкав жвалами – Вот так погибать неохота. Сколько у тварей взрывчатки?

– Этого не узнать – ответил я и сменил тему – Старик… сидя вот тут, на обезображенных трупах своих учеников и слыша, как бездарно грызутся в темном углу еще живые соратники… сидя тут и понимая, что пришел сюда умирать… о чем ты думаешь?

– Я? – на пол с лязгом упал тяжелый шлем, на меня уставилось узкое морщинистое лицо с пронзительным взглядом злых блеклых глаз – Я просто рад тому, что все они сегодня умрут. Спросишь почему? Я отвечу – это бесцельный путь. И я знаю точно – ведь я прошел его весь! От простого работяги-гоблина, завербованного посулом мечты, я прошел путь от рядового прикорма до наставника. Этот путь занял без малого полвека… и этот путь упирается в непробиваемую стену. Тупик! Сраный тупик! Так что я рад, что сегодня умру сам и тому, что умрут и остальные из этот отряда прикормов. Те, кто уже ссучился и просто начал творить дерьмо – умрут. Те, кто еще не стал тварью, но рано или поздно станет – умрут. Зевера, что убила и сожрала столько девушек, что не сосчитать – умрет. Я бы хотел увидеть ее смерть. Но, хватит и твоего обещания, что она умрет лютой смертью, если попадет тебе в лапы.

– Легко. Умрет люто. Про смерть девушек и пожирание – жертвоприношения?

– Нет. Вовсе нет. То вроде как работа. Но если ты подолгу возишься с тварями любящими сладкое людское мяско… ты и сам начинаешь разделять эти взгляды. Зевера была наказана, была изгнана, понижена в статусе за то, что заставляла плуксов притаскивать ей вкусных молодых девушек. Ее поймали, когда она, голая, полубезумная, стоя на карачках бок о бок с плуксами, живьем жрала воющую девку… Зевера мечтает вернуть статус. Мечтает снова стать почитаемой жрицей. Она сделает все, чтобы выполнить задание золотого лидера Турриона. Ты, Оди, вернее твоя тупая голова – ее пропуск к прежней сладкой жизни. Ее талон на мясо.

– Статус – это золото и серебро?

– Золото и серебро. Не имея даже серебряного статуса, ты будешь жить почти как гоблин. В тех же темных одинаковых коридорах. Нет входа в особые красивые зоны. Нет входа в действительно просторные места. Жизнь без

серебра – жизнь крысы в крысиных норах. Серебро – жизнь нормального гнома. Золото… ох золото… я закончил – отбросив флягу, старик прикорм поднялся и скомандовал призму – Давай, урод. Помоги дедушке отправиться в последний полет.

– Может – Хван наметил удар по шее старика – Так быстрее… и не так больно, наверное.

– Наверное – передразнил его старик – Кто тут боится боли, щенок?! Делай что сказано и не будь плаксивой бабой!

– Ты же не сопротивляешься…

– Каппа – вмешался я – Окажи уважение старику.

– Убей их всех, Оди! – схватившийся за край окна старик тяжело шагнул на подоконник, отпустил упавший на пол дробовик – Убей их всех!

– Ага – отсалютовал я ему револьвером, что непонятно как снова оказался у меня в руке – Убью.

Одно движение мечника… и старый наставник Прикормов стальным бруском рухнул с третьего этажа. Будто приняв это за сигнал, крики спорящих утихли и вражеский отряд начал медленно втягиваться на четвертый этаж. И у них это получилось – с четвертого этажа не доносилось ни звука.

– Не вздумайте даже пальца за окно выставить! – предупредил я занервничавших бойцов и встал – Сейчас начнется… Ладно. Пора кончать с этим дерьмом. Пока не отдам приказ – не останавливаться! Игнорировать все! За мной!

С легкой неохотой оставив еще теплых и таких удобных для сидения и закидывания ног мертвецов, мы миновали дымящуюся гору мяса и в быстром, но не суматошном темпе направились к лестнице на четвертый этаж. Я задавал ритм и с каждым двадцатым шагом он становился чуть медленнее. И не по моей вине. Гоблин торопился! Но вот там наверху что-то нихрена не спешили.

Минуты тишины… а за минуту можно сделать многое.

Еще тридцать секунд затишья… а это тоже немалый срок!

Еще тридцать секунд. Конец коридора опустел, весь отряд втянулся на лестницу.

Я остановился и тяжело вздохнул:

– Ну да… всем присесть, открыть пасти и быть готовым!

Взрыв…

Когда ты находишься в здании, где гремит по-настоящему сильный взрыв, такой, что легко разламывает вековую толстенную кирпичную кладку на куски, шутя крошит железобетонные плиты и гнет стальные балки… такой взрыв ощущается по-особому, ведь в этот момент любое здание на несколько мгновений становится по-настоящему живым. Но только в том случае, если взрыв фатален. Вот тогда да… тогда умирающее здание либо обрушивается как старый инфарктник, молча и почти беззвучно, либо устраивает настоящий истеричный концерт, мотаясь из стороны в сторону и пытаясь напоследок заявить о себе как можно громче, либо же переламывается в поясе, хватая разбитыми окнами воздух… а может просто получить сильный нокдаун и на мгновение поплыть, но затем мгновенно восстановить равновесие и снова застыть, тяжело дыша вибрирующими стенами, коридорами, комнатами и всем нутром.

С нами случился нокдаун.

Я так и не услышал взрыва. Просто мы оказались на полу среди трупов, прокатились по лужам крови, что скорее смыли с нас излишки блевоты и рваных потрохов, улучшая общую гигиену. Едва мы замерли, мокрые и ошеломленные, по нам ударила мощнейшая воздушная волна, что заботливо подсушила нас и одарила запахом чего-то тошнотворно сладкого. Будто где-то взорвалась жопа великана, сожравшего недавно пирог с клубникой.

– Чтоб меня – прохрипел стоящий на коленях орк, держащий в руках не игстрел, а чересчур длинный и тяжелый четырехствольный дробовик улетевшего ветерана – Какая сила…

Ему никто не ответил. Поднявшись, я сплюнул на пол красным и прислушался. Сначала мешал сильный звон в ушах, а когда он исчез стало ненамного лучше – здание звенело как камертон. Нет, его уже почти не трясло, но… слышимость была как видимость – никакая.

В коридоре повисло густое и едкое облако сорванной со стен и потолка штукатурки. Воздух наполнен звоном бьющегося стекла, падающих где-то труб, лопающихся тросов, с треском ломающихся камней. Гигант может и устоял после взрывного удара, но бесследно для него это не прошло. Уверен, что в несущих стенах появилось немало трещин.

Но кое-что все же я услышал – стрельба. Ожесточенная разноголосая стрельба. И крики. Много криков. Большей частью это вопли боли. Но слышны и крики ярости.

Смешанный отряд гномьей рати выжил хотя бы частично и дал озлобленный бой засевшему на четвертом этаже противнику.

Ладно. Я снова двинулся вперед, ведя за собой группу. Стрельба не затихала.

– Система победила – кашлянул я, обращаясь к шагающей рядом Джоранн – Синий свет будет зажжен сегодня.

– Так уверен в нас, командир?

– Уверен – кивнул я – Но даже если мы сдохнем – мудрая хитрожопая Кассандра довершит дело. Пояснить почему? Или сама?

– Что тут думать? Все на поверхности. Гномы пробили защиту этой цитадели – ответила едва узнаваемая бело-красная Джоранн.

Кровь, белая пыль… мы похожи на освежеванные и покрытые панировкой куски мяса готовые к зажарке. Зря я переживал о маскировке – теперь даже вблизи

гномам будет тяжело понять, что мы не одни из них. Разве что по призму опознают, но он держится за спиной Рэка.

Джоранн тем временем продолжала:

– Зомбаки потратили немало ресурсов. Боеприпасы, взрывчатка, смертники, обученные бойцы. Так просто это не восстановить. И дело это небыстрое. Короче – мы сделали самое трудное. Кассандре останется лишь слизать вкусный желток. Но легче всего справиться именно сегодня. Завтра зомбаки восстановят часть численности и защиты. Послезавтра они станут еще сильнее, залатают еще пару дыр…

– Ты поняла принцип – кивнул я – Хорошо. А теперь будь хорошей девочкой и постарайся не сдохнуть.

– Ты все время меня сравниваешь с ней, да? С этой сраной Йоркой. Я настолько хуже нее?

– О чем ты?

– Она бросила тебя. Предала. А я иду за тобой в самое пекло, командир. Я лучше сраной гоблинши Йорки! Во всем!

– Прекратить бред, боец. И стреляй во все, что движется.

– Легко!

Вскинув дробовик, я дважды нажал на курок и тут же переломил оружие, выбрасывая гильзы. Лежащие на лестнице подранки сумевшие стащить с себя шлемы и вяло моргающие запорошенными глазами разом превратились в двух безголовых дебилов. Ментальное состояние обрело физическое воплощение.

Дерьмо… опять наркота подает о себе голос. Когда я последний раз закидывался таблеткой? Я не помню такого. Но почему-то под языком знакомо и сладко горчит.

Выстрел. И вместо малого красного плукса разбрызганное зеленое пятно на ступени. Выстрел. И нога с сорванной взрывом защитой отлетает в сторону, кривит рот в безумном крике деваха с вытатуированными усами и бородой. Джоранн сует ствол под прозрачное забрало ее шлема и жмет на курок. Шлем заполняется ало-желтым бульоном, дергающееся тело выпускает оружие и сползает по ступенькам. Выстрел. Рот старого крикуна становится кровавой багровой дырой – и в конце сраного тоннеля я вижу свет! Он все же есть! А в свете том я вижу морду отшатывающегося мужика. Я стреляю прямо сквозь дыру в теле и лицо мужика взрывается – равно как и дыра, что позволяет замолкшей башке благополучно улететь. Выстрел… выстрел… выстрел…

Кончики пальцев горят огнем. О эта боль от раскаленных гильз. Она тоже сладка. И тоже знакома. Я на бегу облизываю кончики пальцев и снова ощущаю горечь мемваса. Выстрел. Выстрел. Сорвать нож с перевязи и коротким тычком вбить в голову однорукого дебила пытающегося зубами всунуть патроны в переломленный дробовик. Обратным движением к себе выхватить из мертвой пасти патроны и загнать в свой дробовик. Щелчок. Поймать в прицел мутное пятно пытающегося вскинуть оружие ублюдка в рваной броне. Выстрел. Дробовик за спину, в памяти зацепка – один патрон еще есть – выхватить из чужих вялых рук оружие, захватить из разгрузки пару магазинов. Палец сам находит переключатель, и залитая кровавым месивом лестница освещается злым огнем короткой жалящей очереди.

– Бегите, гномы! – ору я во всю глотку – Бегите, твари! Гоблины идут! Гоблины идут!

Но гномы не бегут. Они не могут. Они уже мертвы, хотя еще не понимают этого. Они, стоя, лежа, сидя, вяло стаскивают с голов шлемы, у них течет кровь из ушей, глаз, рта. Он кривят рты, но не слышно ни звука. Те, кто пережил взрывную контузию чуть лучше, пытаются оказать столь же вялое сопротивление, но… это жалкая попытка. Стреляя, нанося удары ножами, тесаками, страшенными лезвиями Хвана, пиная, а порой и бодая, мы поднимаемся по лестницам, уничтожая на пути все живое. Отщелкнув и отбросив магазин, я забил в автомат новый и, забросив оружие за спину, где уже болтался игстрел и трофейная винтовка с зажигательными патронами, взялся снова за дробовик. Он тут лучше – впереди расхристанная хрипящая мясная стена, что сама не понимает, чего хочет. В их тупых головах только кровь и звон… кровь и звон… снявшие шлемы, стоящие на коленях, изуродованные и умирающие, они не думают, они просто дышат. Но это ненадолго. Наши

выстрелы проходятся по вершине стены, перебивая картечью гномьи шеи, раскрывая головы бутонами кошмарных влажных цветов, расцвечивая и без того красные стены всеми цветами внутриутробной палитры. Льется на пол дерьмо и кровь. Скулит отчаянно кто-то в углу, надрывно зовя маму и бригадиру Тошу. Он не хочет больше воевать, он хочет мыть полы – он любит мыть полы. Выстрелом я ломаю его надежды и оставляю захлебываться кровью.

Мы наверху.

Мы на четвертом этаже.

Мы на краю густой мясной каши с вкраплением стали и чешуи, что прямо на наших глазах медленно утекает в дыру во внешней стене, густыми потеками-телами летя вниз и уродуя остатки газонов. Тела мертвые и живые, сползают в пропасть и беззвучно исчезают. Вместе с ними летят куски бетона с торчащей арматурой и битые кирпичи. Падающие в дыру гномы мертвы. На их телах визгом заливаются аптечки, но к этому визгу мы давно привыкли еще там – по пути наверх. Этот аптечный истошный визг преследует нас уже давно и теперь воспринимается как нечто привычное.

Удерживая бойцов за углом, я прижался к стене, встал у широкой трещины, что пересекла пол и дальше побежала вверх по стене. В трещину стекает густая припыленная кровь, пятная носки моих ботинок. Ствол вернувшейся в руки винтовки смотрит в глубину четвертого этажа, а мои глаза пытаются пробить многослойное пыльное облако, что повисло над место взрыва и не собирается оседать. Но кое-что мне увидеть все же удается. Там что-то оседает. Оседает прямо сейчас. Повода для паники нет – это что-то явно локальное. И-и-и…

Пол четвертого этажа частично проваливается, с грохотом припечатывая третий, прессуя трупы и выжимая из них питательный сок. Зомби будут в восторге – воткни трубочку в лужу и наслаждайся коктейлем. А может и ванну принять – чтобы зомбо-кожа была нежной и шелковистой.

С протяжным стоном ломается еще часть пола, накреняется как льдина, медлит перед падением. Две трети мясного завала подлетает к потолку, шлепается на шатающуюся плиту и по ней соскальзывает вниз. С гулким хлопком следом падает сама плита, до ушей доносится чавканье. Свежевыжатого сока прибавилось! Один за другим, как упавшие домино, трупы и умирающие падают

вниз, увлекая за собой обломки. Через минуту мы оказались на краю громадного красно-бело-бурого влажного пятна с «островами» рваного мяса и редких трупов. Большая часть погибшего отряда ухнула на третий. А встревоженное случившимся локальным катаклизмом облако пыли стало чуть гуще, но при этом начало лениво выплывать в пролом в стене и через окна. Там, где-то за буками, снова взвыла истошно сирена и тут же поперхнулась, а затем и заткнулась. Тихо-то как…

И что по ту сторону пропасти?

Первое что я увидел – изодранную жопу плукса, что продолжал жить и нести на себе сбрую. Но рыцарей стрелков на нем уже не было.

Затем я услышал голос – мужской, хрипящий, злобный, требовательный:

– Зомбаки! Вы действуете разумно! Вы не твари – это видно! Значит можно договориться! Так давайте говорить! Нам Прикормам не нужно ваше сраное логово, не нужны ваши сокровища, не нужны ваши жизни. Нам нужен только долбанный Оди! Отдайте нам Оди – только его! – и мы уйдем! Просто уйдем и наши пути разойдутся навсегда!

– Он сказал «ваши сокровища»? – изумленно пробормотал я – Охренеть словечко…

– Отдайте нам Оди! – не унимался крикун. Через секунду его голос стал громче и отчетливей – будто он повернулся в нашу сторону.

Но коридор пуст, если не считать трупы и застывших на том краю провала парочки явно пытающихся прийти в себя плуксов. Голос доносится из какой-то палаты по левую сторону. Ближайшей к нам или чуть дальше. Получается взрыв ахнул чуть запоздало, швырнув авангард вперед, перемолов центр и отбросив арьегард назад и вниз. Подохла ли та сука в жопе плукса?

– Зевера! – раздраженно взревел голос мужика, которого я обозначил как Тупой Лидер – Вылези уж из брюха! Говори! Помогай! Давай! Хватит сидеть в живой броне! Выбирай и помогай расхлебывать это дерьмо – мы сидим в одной тонущей лодке!

А в ответ ему тишина. Ни зомби, ни Зевера не дали внятного ответа. Зато кто-то другой, надрывно, испугано, в полный голос заявил со стальной уверенностью хотящего жить:

– Надо уходить, Тюфас! Надо уходить! Прямо сейчас!

– Нам нужен Оди! Заткнись!

– В жопу золотой статус, Тюфас! Мы тут все поляжем! Зверь Зеверы оглушен! Еле командует! Она сама может уже в коме – посмотри сам на ее зверя! Он от взрыва летел кувыркался, теряя куски! А с ней что?

– Заткнись!

– Погубить нас хочешь? – в голосе вопрошающего зазвучала звенящая кристальная эмоция – истеричная ненависть к тому, кто хочет его убить – Все поляжем ради чего? Просто так?

– Что ты скажешь золотому лидеру Турриону, идиот, когда вернешься с пустыми руками?!

– Правду! Что тут нехрена ловить! Этот сучий Оди либо уже сдох, либо выпрыгнул из окна и давно дал деру! Сидит сейчас где-нибудь у океана, лакает самогон, отмачивает мозоли в соленой водице и хер на нас ложит! А мы тут дохнем!

И опять тишина в ответ… но в палате что-то завозилось, заскрипело сталью и ботинками, загрюкало оружие. Уцелевшие и потерявший раж бойцы глубоко задумались. А там – дальше, глубже по коридору – вообще мертвым-мертво все. А мне ведь как раз туда и надо…

Ладно. Приставив винтовку к стеночке, я вооружился старым добрым игстрелом и, не жалея игл и батареи, принялся всаживать иглу за иглой в задницы оглушенных плуксов. Игстрел покашливал и потрескивал, ему в унисон стонало приходящее в себя здание, опять зазвучали злые и куда более испуганные голоса в палате. А я все стрелял, всаживая иглу за иглой в рваные прорехи чешуйчатой брони. Сколько игл выдержите, гиганты?

Я трижды сменил картриджи и только затем двое плуксов упали, а третий, видимо получив иглу куда-то в особо ценный орган, странно подпрыгнул и, волоча одну лапу, рванулся по коридору. Прекратив стрелять, я принялся наблюдать.

Десять метров. Плукс миновал палату с союзниками и рванул дальше.

Пятнадцать…

Р-р-р-рах…

Короткая очередь любезно встретила плукса и перечеркнула всего жизненные планы. Из палаты на мгновение высунулась железная удивленная голова одного из подземных рыцарей. Оружие сменить я не успевал и выпустил столько игл сколько успел, оттарабанив ему звонкий мотив по шлему, а заодно угодив пару раз по шее. Захрипев, рыцарь рухнул, схватился за шею. Туда – сквозь пальцы в шею – я выстрелил зажигательным зарядом из подхваченной винтовки. Рыцаря затащили внутрь.

– Какая сука?! Зомбаки?!

– У него шея дымится! Дерьмо! Загорелось!

– А-А-А-А-А-А-А!

– Туши!

– Как?! У него горло изнутри полыхает!

– А-А-А-К-Х-Х-Х… уб… убейте! – булькал несчастный, что, судя по звукам колотился о пол – Убейте!

– Оп-па – тихо произнес я, приседая и не сводя взгляда с коридора.

Парень с полыхающей глоткой еще что-то там булькал, но я уже не слышал и не слушал. Я смотрел на коридор, где в клубах пыли проявилось несколько спокойно и уверенно шагающих фигур. Знакомые очертания. Очень знакомые –

стальные рыцари вышагивали по коридору четвертого этажа, держа в руках оружие. Сверкнула сквозь пыль сталь шлема, продавилось сквозь пылевую стену забрало шлема, и я увидел лицо – серое раздутое лицо зомби с белесыми равнодушными зенками.

– Иду-у-ут! – завопили из палаты.

Звякнув металлом, первый из зомбаков подался чуть в сторону и швырнул округлый предмет о стену. Отскочив от стены, предмет закрутился и влетел в палату с гномьими рыцарями.

– На пол! – завопили из палаты.

– На пол – повторил и я своим – Залечь. И шквальный огонь на поражение!

– Наконец-то – удовлетворенно пропыхтел орк, падая рядом и прячась за трупом плукса – Каппа! Брось меч! Бери винтарь!

– Это разумно – подтвердил азиат и тут же выстрелил, на секунду опередив мою очередь.

Раздался взрыв. Из палаты вышвырнуло пару трупов и одного подранка, что тут же захлебнулся криком, когда в него влетел брошенный одним из зомби пожарный топор. Через пару секунд вся моя группа уже лежала на краю провала и, прячась за трупами, вела прицельный огонь по пошедшим в атаку бронированным зомбакам.

– Дурак – с удовлетворенной улыбкой сказал я, не прекращая стрелять – Нетерпеливый дурак. Первая твоя ошибка.

Мои пули выбили искры из кирасы крайнего зомбака, щелкнули по разлетевшемуся старому забралу, утонули в сером безразличном лице. Рыцарь с грохотом упал, но успел швырнуть еще одну гранату. Она взорвалась почти сразу – над провалом, послав во все стороны осколки. Вздрогнул прикрывающий меня труп, сбивая прицел упертого в него автомата. Выругавшись, я перевел ствол чуть правее и прострелил колено зомбаку с дробовиком. Остальные его гнилые соратники синхронно вскинули оружие, и мы вжались в пол, пережидая

стрельбу и изредка огрызаясь в ответ.

– Да там наши! – во время крохотного затишья донеслось обрадованно из палаты – Поможем им! В атаку! Зевера! Посылай, посылай, посылай!

– Стоп! – тут же велел я Рэку, а орк передал по цепочке дальше.

Из дверного проема выскочил серый плукс, бросившись на ближайшего зомби и сбив его с ног. Следом оттуда же выскочило еще четыре твари и… напоролись на зажатые в руках зомби тесаки. Стальные мертвяки не дрогнули, не отступили, не испугались. С равнодушием машин он встречали удары когтей и зубов, тут же отвечая. Одному вырвали руку, но он этого даже не заметил, утапливая тесак в пасти другого плукса. Второго рвали сразу двое, но он, потеряв обе ноги, спокойно продолжал стрелять из дробовика, пробивая огромные дыры в телах боевых плуксов. Явившиеся в коридор прикормы бросились на помощь плуксам, стреляя из дробовиков. Поймав одного из них в прицел, я терпеливо ждал, смотря, как из пылевого тумана проявляются еще шесть мертвых рыцарей, один из которых тащил на плече что-то невообразимо огромное. Вот эта штука отлипла от плеча и пошла вниз…

Резкий звон… и одного из плуксов как пушинку отшвырнуло назад, бросило на пол. Тварь забилась на полу, пытаясь встать, из глубокой раны в груди хлестала кровь.

Звон…

И один из прикормов закрутился бешеной юлой, после чего молча рухнул в провал и пропал.

Зомби опустил похожую на кусок рельса штуку, что должно быть весила килограмм пятьдесят. Стоя под пулями, трясясь, мотая искрящейся башкой, он спокойно перезарядился – это отняло шесть секунд – и снова поднял пушку.

Звон…

– Мама! Ой мама! Ой мама! – потерявший ногу рыцарь забился на полу, ползя к провалу – Ой мама!

Другой зомбак равнодушно шагнул вперед, расставил руки – в одной четырехствольный дробовик, в другой автомат – и нажал на оба курка одновременно. Словивший в жопу заряд картечи рыцарь-мамсик захлебнулся воем, в затянутой дымом палате тоже не молчали и… выломившийся из покореженного дверного проема красно-оранжевый плукс ударил всей массой по перенесших на него огонь зомборыцарей.

– Огонь! – выдохнул я, без сожаления тратя боеприпас штурмового автомата – Огонь!

Я шептал себя – кто меня услышит в такой пальбе? Но колоссальная страшная тварь настолько била по нервам, настолько терзала их чем-то нехорошим, что моя группа едва ли не удвоила темп стрельбя. Картечь, пули, иглы – все летело в коридор к зомбакам и уже четырем плуксам. Еще через секунду я уже не понимал куда я стрелял. Одно темное месиво, пыль, дым, искры, вопли, падающие с проломленного взрывом потолка камни и обломки крыши. Но я продолжал стрелять, а в коридоре продолжало что-то происходить.

Что-то страшное. Что-то вызывающее уважение. Кое-что я все же углядел. И понял, что трахнутая на всю голову долбанная людоедка Зевера Отверженная дала бой. Последний бой! Сидя внутри послушного как перчатка плукса, она терзала и рвала стреляющих и бьющих мертвяков. К нам прилетела голова одного из этих дохляков – вместе с шеей и солидным куском правого плеча. Кусок мяса с мозговой начинкой шлепнулся на спину Джоранн и тут же заскрежетал острыми подпиленными зубами по прикрывающему ее задницу металлу. Умно… подпилить клыки… Хван сработал молниеносно, насадив башку на лезвие и подняв. Это было верно. А затем призм совершил ошибку – вскочил и замахнулся насаженной башкой, собираясь…

– Вниз! – рявкнул я и гнида послушно рухнула. Но не от моего крика – я услышал сначала звон, а затем увидел отлетающую руку призма, следом несколько пуль простучали по кирасе, по ногам, хрустнул кое-где хитин и Хван упал – Дерьмо! Джоранн! Осмотри его! Остальным стрелять! А дерьмо!

От шальной пули моя голова дернулась. В ушах загудело. Стальной шлем спас. Да и пуля прошла по касательной. Хвану куда тяжелее.

– Заливай клеем! – крикнул я в лицо за мокрым и грязным забралом.

Проползающая мимо Джоранн кивнула, волоча за собой снятый рюкзак.

– Рэк!

– Да?

– Когда прекращу стрелять и вскочу, начинай считать! До ста! Потом прекращай палить и других заставь остановиться! Перезарядитесь, затихните за трупами и наблюдайте. За мной не суйтесь! И ждите подкрепления. Понял?

– Понял! Останься здесь, лид! Нахрен! Ты хрень какую-то задумал! По глазам вижу!

– Ты меня понял, боец?!

– Понял!

– Хорошо… – я снова слился с оружием в одно целое, расчетливо вбивая пули из винтовки в выхваченную на мгновение цель.

Я стрелял зажигательными. И метился прежде всего в плуксов. А заодно считал… и наблюдал… снова считал секунды и снова наблюдал, ожидая. Я не спутаю. Я уже понимаю как именно и с какой скоростью он будет двигаться.

Десять…

Он тактик. Поэтому в первую очередь постарается добиться баланса.

Девять.

Он постарается добить тех, кого можно вынести с одного удара, но кто еще представляет собой опасность. Например, лежащих стрелков. И я вижу одного рыцаря с дробовиком. Он очень медленный, его несколько раз ранили, но он продолжает палить и его не замечают в сутолоке…

Семь…

А вон там по цепочке еще один подранок. Этот лежит ничком, но его рука тянется к автомату. Если это вижу я – увидит и он. Такие не пропускают подобных важных мелочей.

Пять…

Пройдясь по этим, двоим, он наткнется на упавшего, но еще живого и силящегося встать искромсанного красного мозгососа. Это еще шаг к провалу и внешней стороне здания.

Три…

Дальше у него тактическая свобода, но будь я на его месте, занялся бы с тыла тем стальным гигантом с топором и щитом. Средневековье побеждало – он добил уже двоих зомборыцарей и замахивался снова…

Два…

Красно-оранжевый плукс припал на брюхо, из него хлещет кровь, а из ран, как мне чудится сквозь стрельбу, доносится взбешенный женский визг. Орет прямо из брюха? Это прямо как сигнал стартового пистолета…

Один! Время, Оди! Время!

Вскочив, я оставил опустевшую винтовку, бросил игстрел, оставив при себе свинку и дробовик. Прыжок. Я приземлился на торчащую из стены арматуру. Я смотрел только вперед. И не пропустил момент, когда в коридоре, с другой стороны, в драку влетела невероятно стремительная безмолвная фигура. Вот и он…

Прыжок на узкий карниз, нависший над провалом. Короткая пробежка в четыре шага, еще один длинный ныряющий прыжок и я приземляюсь на залитый кровью и слизью кафельный пол. Скользя, переворачиваюсь на бок и стреляю в брюхо тянущегося ко мне плукса. Второй выстрел достается по шлему замахнувшегося на меня топорщика. Отбросив дробовик под ноги дерущегося с зомби рыцарем, я взялся за «пиги», щедро поливая иглами все живое и мертвое в коридоре. Чей-то удар по руке выбил оружие из рук, но не остановил меня. Подхватившись, я

вскочил и по-спринтерски рванул вперед что есть мочи, прыгая из стороны в сторону и скользя взглядом по коридору. Но по мне никто не стрелял. Как и ожидалось. Но это временно. И очень скоро все изменится.

Быстрее, гоблин! Быстрее! Давай! Давай! Не зря же тебе уколами всю жопу искололи, гоблин! Не зря же ты сука тренировал сам и дрессировал бойцов! Не зря же ты сегодня отказался от самогона! Дава-а-а-ай! Я смогу! И меня до сих пор никто не заметил…

Далекий крик снизу, прилетевший с нижних этажей, я не сразу опознал. Кричала Кассандра и у ней явно имелся какой-то усилитель голоса. Крик слышался неплохо.

– Оди я иду! Мы идем! Держитесь там, ушлепки! Держитесь!

Да чтоб ты тебя…

Я ничего не услышал. Но я почувствовал. Я знал, что тот, мимо кого я проскользнул, тот, кто вмешался в финал битвы, стремительный и безмолвный, только что заметил, что я проскочил и тут же бросился за мной следом. Он бежит за мной. И бежит быстрей меня. Но я нехило оторвался. И увидел кое-что важное.

Когда я проскочил место побоища, то увидел весь коридор. И я не мог не заметить, что тут все в полном порядке. Нет, тут, конечно, все в полном дерьме – грязь, пыль, запустение. Но при этом все двери в палаты распахнуты, вдоль стен стоят трухлявые кресла, на полу сгнившие ковровые дорожки без единой складочки, засохшие растения в кадках с потрескавшейся землей. Тут нет баррикад, нет стен, нет заблокированных дверей. Это место выглядит так, будто с тех пор, как его покинул медперсонал и настоящие пациенты, сюда не ступала нога зомби. И увидев это я на ходу поменял первоначальный план – проскочить сквозь схватку, оставив их всех позади, ненадолго спрятаться в ближайшем укрытии, оценить обстановку, а затем…

Нет. Тот план тоже был рискован. Но то, чем я занят сейчас… за такое командиров расстреливают перед парадным строем и правильно поступают. Это непростительно. Я сделал тупость. И почему-то рад этому безумству. Сейчас уже не изменить. Но позднее я заставлю себя пожалеть об этом поступке.

Тебе конец, гоблин Оди! Я сука тебе жопу до кровинки выжму! Беги! Беги! Беги-и-и!

Резко обернувшись, я поднял руку и нажал на спуск. «Пиги» выкашляла остаток, и я швырнул ее в легко уклонившуюся фигуру рыцаря, несущегося за мной с невероятной скоростью. Сквозь прозрачное забрало на меня неотрывно смотрели светящиеся знакомые глаза.

Номера… номера на дверях…

Крутнувшись, я вцепился в косяк. От резко рывка застонали плечевые суставы, взвыла поясница. Мимо меня пролетел не успевший затормозить преследователь. Я прыгнул следом, хватая его за плечо и дергая на себя. Ствол револьвера вошел под край шлема я и нажал на спуск.

Выстрел.

Рыцарь вздрагивает, на моей ладони смыкаются его пальцы, и он резко поворачивается, тяня меня на себя и… От дикой боли в хрустящем плече я заорал в голос. Пискливо взвыла аптечка. Рывок…

– А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Захлебнувшись криком, я выстрелил еще раз – на этот раз под забрало, всадив пулю прямо в лицо. Отшатнувшись, рыцарь рухнул, держа в стальной перчатку мою левую руку. Глянув на оторванную в локте бессильно свисающую культю, я прыгнул к трясущемуся, но силящемуся встать рыцарю и выстрелил третий раз. Туда же – в башку. Выстрелил и побежал, сжимая в руке опустевший револьвер.

Дверь…

Дверь…

И снова я почувствовал – эта тварь за моей спиной перенесла попадания в мозг и хребет. Он уже встал. Он уже бежит за мной. Я дернулся в сторону. И моя оторванная рука, брошенная мне вслед, пролетела мимо. Следующий мой рывок с грохотом внес меня в единственную закрытую палату с тем сука самым

номером. Обычный номер. А снизу красным косо начертано злое слово «Боль».

Я внутри.

Ну?!

Где?!

Кровать. Столик. Лампа. И больше ничего!

Кровать! Столик! Сучья лампа! И больше ничего!

Стоп! Это бред, но…

Прыгнув на кровать, я избежал хватки стальной руки и дернулся вперед, накрывая ладонью синюю кнопку прикроватной лампы.

Мне в затылок пришелся страшный удар, следующий сбросил меня с кровати, отшвырнув до противоположной стены.

– Окх… – с огромным трудом перевернувшись на бок, я попытался встать до того, как меня накроет следующий удар.

Но удара не последовало.

Зажегшаяся мирным синеватым светом лампа будто заворожила опершегося о кровать огромного мрачного рыцаря. Он замер, не отводя от нее взгляд. Прозвучал долгий мелодичный звон. И прозвучал он не из лампы – перезвон шел от всего больничного корпуса, это ожили спрятанные в стенах динамики. Где бы ты ни был – услышишь. Перезвон повторился. Рыцарь продолжал оставаться недвижимым, а перезвон исчез, в лампе что-то щелкнуло. Следом же произошло нечто вовсе неожиданное – над лампой замерцал воздух и в синеватом свете появилось чуть дрожащее изображение улыбающейся миловидной женщине в белой шапочке и халате.

– О… ты услышал мой зов, и ты уже в комнате… приятно видеть такую расторопность. Здравствуй, Кевин. Скажи, ты ведь был хорошим и послушным

мальчиком, да? Ты больше не ломал игрушки и не пытался убежать?

С легким скрипом рыцарь выпрямился, голова в шлеме покачалась из стороны в сторону, губы скривились в легкой едва заметной улыбке.

– Ты держишь свое слово? Ты относишься к вещам к вещам с уважением, уважая чужой труд? Ты берег свою комнату? Протирал в ней пыль? Заправлял кровать как я тебя учила?

Предводитель зомби медленно кивнул.

– Ну хорошо – с небольшой заминкой удовлетворенно кивнула явно какая-то интерактивная запись могущая реагировать на жесты – Я рада. Хорошо, милый, хорошо. Папа Элвис был бы тобой очень доволен. Что на тебе? Кепочка? Головной убор не пристало носить в помещениях. Сними ее. Отложи игрушки, садись на край кровати и не забудь опустить ладошки на колени – так и только так сидят приличные мальчики.

Я с трудом встал. А не обращающая на меня внимания смерть со светящимися глазами щелкнула застежками, сняла шлем и медленно опустилась на край старой и явно маловатой ему кровати.

Двигаясь по стене, скребя по ней плечом, я дошел до двери и вывалился наружу. В палате место только для одного отморозка.

– Но перед сказкой давай поступим как всегда – отпустим твоих послушных друзей погулять. Хорошо? Отпусти их, Кевин. Отпусти. Слушай внимательно, что я тебе скажу. Мама. Любовь. Синие орхидеи. Могила. Дождь. Холод. Грусть. Спокойствие. Отрешенность. Пылинка. Сонливость. Абсолютность…

С трудом подняв голову, делая шаг за шагом, я смотрел на приближавшегося ко мне хромающего зомби, что явно только что был приказом выдернут из свалки, бежал к палате как получившая цель машина, но… его бег сменился на неуверенный шаг, голова повисла, руки недоумевающе скребли по помятому шлему, пытаясь его содрать, выпущенный из ладони погнутый тесак упал на пол. Зомбаку не нравились тесные тяжелые доспехи. Он пытался избавиться от них. А когда увидел меня, то с его лица исчезло тупое равнодушие. Он оживился. Пробежался языком по серым губам, содрал шлем, отбросив его в

сторону, шагнул ко мне… и его башка взорвалась. Рухнув, он пару раз дернулся и затих, а стоящая над ним с дымящимся дробовиком Кассандра рявкнула:

– Мудак! И ведь получилось!

– Что получилось?

– Все зомби… снова стали обычными упырями! Как?

– Есть догадка… и догадка сидит вон за…

– Активирован управляющий аварийный протокол. Режим системного дрона активирован – оповестила нас усевшаяся на подоконник сова с человечьим лицом. Сказав это, птичка добавила голосом Брухи – Это не я! Мать забрала управление! Я только смотрю! Ох ты… рука… Оди! Твоя рука!

– Задание «Синий свет» выполнено. Начинается перезагрузка. Активирован протокол «Санитарный день». Внимание! Немедленно покинуть территорию специальной лечебницы Тихие Буки! – равнодушно произнесла птица и рванула по коридору, целеустремленно направляясь куда-то в глубины здание.

За окном завыла сирена. Провыв несколько секунд, динамики на мгновение затихли, а затем донеслось громогласное и уже слышанное:

– Задание «Синий свет» выполнено. Начинается перезагрузка. Активирован протокол «Санитарный день». Внимание! Немедленно покинуть территорию специальной лечебницы Тихие Буки!

– Как мои там?

– Мы здесь! – прорычал орк, тащащий на себе гниду и ведущий остальных – Все в норме. А там все сдохли и уже воняют. О дерьмо! Рука где?!

– Уходим – устало произнес я, бросив короткий взгляд на снова прикрывшуюся дверь комнаты с интересным номером 191-28Боль.

Глава третья

– Лопнуть и сдохнуть! – рявкнула Йорка, встречающая нас у стальных ворот Зомбилэнда – Живы! Оди! Гоблин ты трахнутый! Рука где?! Надо срочно в медблок!

– О… – выдавил я и отвернулся.

– Пошла нахер, шлюха блудная! – проревел поддерживающий меня орк – Давалка! Подстилка! Кидала! Иди отсоси у тунцов и пусть везут тебя обратно – в жопу!

– Да пошел ты, мудак! Лучше бы ты сдох, урод!

– Заткнуться и разойтись! – прохрипел я, наваливаясь на орка сильнее – Где Баск?

– Здесь… плохо ему…

– Не сраться пока не прикажу! – велел я и уронил что-то совсем потяжелевшую голову на грудь.

Что ж так хреново из-за пустяковой раны? Хотя меня больше голова беспокоит – слишком уж звенит. Контузия?

Или…

Что «или» я уже не додумал. Дрожащий мир потерял краски, посерел, а затем и почернел. Остались лишь белые точки, что сходились и расходились, строя и разбивая прицельную сетку. Затем пропали и они. Темнота…

* * *

Сидя по жопу в океане, принимая грудью теплые волны, я елозил пальцами ног по песку на дне, с наслаждением шлифуя трудовые мозоли и буквально

чувствуя, как от стоп отлетает мертвая прелая кожа. Мелкие потертости покалывало солью, но и это была приятная боль. В правой руке я держал бутылку с компотом, утопленную в океан по горлышко. Изредка вынимая бутылку, я делал пару глотков и снова плюхал ее в воду. На левую руку – ампутированную по плечо вместе с плечевым суставом, заштопанную, обколотую и залитую прозрачным медицинским клеем внимания я не обращал. И не переживал по поводу отсутствия руки – после того как я очнулся в медблоке, система велела мне заскочить через пару часиков. Холодная бездушная машина не соизволила пояснить перепуганному искалеченному гоблину детали и я, покинув медблок, потопал сюда, по пути отпустив преданно ожидавшего молчаливого Каппу, объявив всем двенадцать часов отдыха и заодно велев пока не залазить в интерфейсы. Нахрен. Вместо награды могут и работенку подкинуть. А мне как-то пока не до этого. К тому же надо еще рассортировать ту безумную гору трофеев, что мы – вернее благодарные до жопы бойцы Кассандры – выволокли из Зомбилэнда до того, как там объявили санитарный день.

Зомбилэнд перекрыт наглухо. Система закрыла даже Обсервер. Бруха успела передать, когда над нами барражировала провожающая сова, что и всем сурверам дали полчаса на то, чтобы спрятать задницы поглубже под землю, задраиться и не подавать голоса до особого сигнала, после которого все сурверы получат временную свободу от своих убежищ, а вместе с временной свободой множество заданий зачистки. Сурверов превратили в санитаров. И я знаю, что им придется зачищать – горы снаряжения и оружия, тонны костей, центнеры тухлого мяса. Еще им предстоит разбирать завалы, а может и каменщиками придется поработать.

– Скоро все вернется на круги своя – заметил голос с океана.

Подняв ленивый взгляд, я оценил фигуру Кассандры и заметил:

– Старая, но пока не дряблая.

– Да пошел ты!

– Твоя сигара, мой герой – на нагретое солнцем здоровое плечо мягко легла прохладная рука. Щелкнула зажигалка подкуривая сигару. Пару раз пыхнув, сигаретная крошка в бирюзовом купальнице одарила меня поцелуем, вставила сигару мне в губы и ушла загорать на песок, где уже дрыхли мертвым сном

накрытые полотенцами Хван и Джоранн. Рэк и Каппа опять пошли в бордель. У меня такое чувство, что мне стоит прекратить использовать столь опасное слово как «отдых». Кажется мне, что, слыша «отдых» эти двое почему-то сразу представляют себе бордель, но никак не библиотеку или там скажем этот мирный солнечный пляж неподалеку от платформы.

Поправив бретельку закрытого черного купальника, Кассандра согнала с плеча живую бабочку, что пыталась о чем-то поговорить с подкожным насекомым и продолжила:

– Зомбилэнд почистят. И откроют. И все заново…

– Это логично. Куда еще девать пополнение зомбаков? Фабрика фарша должна работать без перебоев.

– Почему ты не убил его? Почему велел уходить?

– Он…

– Да?

– Он часть всего этого – ответил я задумчиво – Он часть испорченного механизма.

– Ты сам себя слышишь? Звучит безумно!

– А ты себя слышишь? Ты себя видишь? Ты стоишь у высокой стены фабрики по массовому убийству больных невинных людей, которых здесь рвут на части залпы картечи, рубят топоры, кромсают мачете. И это для тебя нормально?

– Это навязанная нам реальность. Мы не можем игнорировать правила Матери. Вернее можем… отчасти… стань добросом, сей пшеницу, собирай урожай, трахай по субботам тихую женушку, пой псалмы по воскресеньям, отрасти бакенбарды и заведи себе черный сюртук.

– Слово-то какое… сюртук…

– Почему ты не убил его? Я даже не увидела ту комнату… только дверь…

– Он часть всего этого – повторил я – Ты слышала легенду, что от зомбо-болезни помогает кровь великанов?

– Все слышали эту историю. И что?

– Да так…

– Так почему?

– Этого не было в задании – против всех правил я неглубоко затянулся сигарой, захлебываясь горьким ароматным дымом.

– Надо уметь читать между строк.

– Я и прочел.

– Может и прочел – согласилась пифия и, запрокинув голову, влила в себя пару глотков мутновато-синего коктейля перелитого в бутылку – Как бы то ни было – я герой. Герой первого ранга. И могу покинуть это место.

– Земли Завета? Кронтаун?

– Верно. Кронтаун.

– Знаешь… я видел во втором больничном целую кучу зомби. Кормящихся зомби.

– Само собой! Там ведь и было гнездо.

– Старых зомби.

– Что?

Я повторил:

– Там было очень много старых зомби. Оказывается, они стареют.

– Никто не вечен. Даже психопаты с гнилью в башке. Само собой они стареют, Оди! И что? Ты умилился, когда увидел дряхлого зомби-дедушку высасывающего беззубым ртом мозги пленника? Я тоже видела те ржавые кровати с примотанными костяками.

– Он их держал там. Старых зомби.

– Он это тот предводитель?

– Ага. Он держал во втором больничном… вернее содержал… что-то вроде дома престарелых. Он заботился о них. Ворвавшиеся гномы и плуксы всех покрошили, пока поднимались, но я все же увидел. Там была богадельня. С регулярными поставками предельно свежего мяса. Первый этаж пуст. Второй и третий – столовка и проживание. Четвертый – запретная зона и там только матерый зомби-сквад.

– И? Я все еще не понимаю.

– Ему не было никакой выгоды содержать этих умирающих от старости и гнили старперов. От них даже в бою толку нет – лишь мешаться будут. Куда логичней было бы их послать в самоубийственную атаку на очередных новичков. А взамен он бы получил от системы куда более свежее и молодое пополнение. Но он этого не сделал. И мне кажется, что это его и сгубило. Поэтому система и решила зажечь синий свет.

– Погоди…

– Системе давно был нужен этот сраный санитарный день. Зомбилэнд пора было почистить не только от тонн ржавых доспехов, оружия, костей и прочего барахла. Еще надо было разогнать то многочисленно зомбо-стадо, что обосновалось во втором больничном и было недосягаемо для регулярно наведывающихся убийц. Ведь вроде как в Зомбилэнде всегда поддерживается постоянная численность зомби, верно? И если, предположим, четверть всего зомбо-состава не обновляется, это приведет к большой беде.

– Какой?

– Там внизу мы видели наглухо заваренные переборки. Наглухо заделанные коридоры с металлическими заиндевелыми заплатами. По ту сторону заплат – мороз.

– Да к чему ты?

– Морозильники переполнены. И давно. А бродосы привозят и привозят гребаных зомби. Их надо срочно пускать на мясо. Но необычный упырок Кевин обустроил себе целую цитадель во втором больничном. Элитную богадельню. Кевин частично забил сток в унитазе. И смертельно заболевшее живое дерьмо уже не так быстро проходит по трубам гигантской мясорубки. Раньше, к примеру, система запускала в Зомбилэнд около сотни зомбаков каждый день. А теперь только пятьдесят. Сдохли пятьдесят – а это случается не каждый день – можно еще пятьдесят… опять же заданий стало меньше – ведь на второй больничный заданий не выдают. Кевин уничтожит любой сквад…

– Чтоб меня – повернувшаяся ко мне пифия устало прикрыла глаза – Ты в любой даже самой простой ситуации отроешь какую-то мерзкую подоплеку воняющую тухлятиной. Что не так с твоими мозгами?

– А хрен его знает – я лениво пыхнул сигарой – Я просто подумал, что мы видим в зомбаках лишь хищных упырей.

– Так и есть!

– А Кевин видел в них нечто большее. Ведь он может командовать такими же как он. Это что-то здесь – я постучал себе по виску – Он не просто передает им команды. Он их буквально меняет. Превращает животных в дисциплинированных солдат.

– Ты просто как про себя сейчас говоришь.

– Мы непохожи – покачал я головой – Он добрее.

– Что?

– Он добрее. Он кормил балласт. Немощных стариков, что умеют только жрать и гадить, жрать и гадить. На их место он мог поставить матерых громил. И тогда ни плуксы, ни прикормы не смогли бы так легко взять его бастион. Синий свет никогда не был бы зажжен. И он это знал. Но сохранил зомбо-пердунов. Он дурак. Знаешь, мы теперь родом с острова сыроедов.

– Ага… типа того… легенда…

– Да. Легенда. Но я слышал их рассказы. Так вот. Давным-давно, в особо тяжелые для племени времена, когда племя голодало, старики и серьезно больные сыроеды прощались с семьями и добровольно уходили в лес, где и замерзали. Если они не могли идти сами – их относили внуки.

– Как мило…

– Это разумно. Тут нет добра. Но тут есть суть выживания. Лишний рот… это всегда лишний рот. Если племя вынуждено выживать – надо чем-то жертвовать.

– А Кевин этого не сделал?

– В точку. Он ослабил свою защиту. Превратил крепость в беззащитный дом престарелых. Он кретин.

– И поэтому ты его не убил?

– Он уникален.

– И что?! Это убийца!

– Таких как ты и я – тысячи, Кассандра. Где-то прямо сейчас, может тоже на пляже, на другом краю этого мира, сидят сейчас двое и ведут такую же беседу. И судьбы у них примерно такие же. А такой как Кевин… это что-то уникальное.

– Тебе пора завязывать с наркотой! Ну или наоборот – усилить дозу. Скажи другое – ты знал?

– Знал что?

– Что попав в Зомбилэнд другим путем сможешь нагнать туда гномов – гномов! – и этих страшных тварей, сделав их своими невольными союзниками и пушечным мясом.

– Не знал – признался я – Спуск на дно – спонтанное решение. Я просто хотел войти иным путем. Не через тамбур.

– Зачем?

– Чтобы не играть по навязанным правилам. Чтобы сломать шаблон. Чтобы получить хоть какой-то фактор неожиданности. Хоть какое-то пусть и крохотное преимущество.

– И у тебя получилось.

– Получилось – согласился я.

– К тебе посетительница.

– Я слышу – вздохнул я и повернул голову на хруст песка – Чего тебе?

– Я хочу вернуться! – набычилась Йорка – Мы хотим вернуться! Я и Баск! Мы хотим убивать! В первую очередь – гребаных гномов!

– Угу – кивнул я и хлебнул компота.

– Я серьезно, Оди! Я на полном серьезе! Больше никакой мягкости, никакой оседлости. Только вперед! Я честна! Дай нам шанс.

– Уйти легко. Вернуться… куда тяжелей.

– Как нам вернуться? Что сделать? Тренировки? Сходить на задание в этот Зомбилэнд? Что сделать?

– Хом и Том – после краткой паузы произнес я.

– Это что?

– Это здешний мусор, что однажды наступил мне на ногу. Недавно я пообещал их убить. Но зачем мне, раненому бедолаге, напрягаться, когда у меня есть вернувшиеся верные бойцы Йорка и Баск, верно? Сегодня вы убьете Тома и Хома. Или сегодня же свалите из города сами – потому что, если через шесть часов эти два упырка будут еще дышать, я разберусь с ними сам, но сначала прикончу вас.

– О дерьмо… ты опять? – тяжело вздохнула Йорка.

– Я опять – подтвердил я, с шипением туша ставшую почему-то слишком горькую сигару о волну и выбрасывая на песок – Я сука опять! Я и так делаю ошибку давая вам шанс. Я даже надеюсь, что вы снова облажаетесь! Короче – я все сказал. Головы Тома и Хома – ваша плата за возвращение в отряд. Этих ушлепков вы можете отыскать в столовке Хомячий рай, что в третьем бараке.

– Баск болен и серьезно. Инфекция.

– Значит сделай все сама! – отрезал я – Или ты просишь только за себя?

– Нет! И за него тоже!

– Ну так вперед, гоблин. И еще – чем болезненней умрут те двое, чем кровавей и страшней будет их смерть, тем больше шансов, что я позволю вам вернуться.

– Охренеть…

– Так что?

– Да тут глаза Матери повсюду.

– Убивай в сумраке.

– Тут есть закон! Нас осудят и бросят на этот как его… эшафот!

– Вон главный шериф города самогон лакает – я кивнул на внимательно слушающую пифию. Та меня поправила:

– Не самогон. Коктейль.

– Ты бухаешь с главным копом и посылаешь меня на кровавое убийство?

– Ага – безмятежно улыбнулся я – Она мне до жопы обязана.

– Обязана – подтвердила Кассандра – Старайтесь не наследить. Главное, чтобы на глаза Матери не попасться. А если кто и жителей засечет случайно – я с ним поговорю и все тип-топ. И сама поручусь за тебя перед Матерью.

– Охренеть – выдавила Йорка – Охренеть! И это нормально?

– Это жизнь как она есть – дернул я плечом – У вас шесть часов. Либо убейте, либо бегите. Дам еще подсказку – если я меньше, чем через час услышу о ужасной двойной смерти сраного Хома и мудилы Тома… я точно дам вам шанс. Но если будет тянуть до последнего, будете опять сука колебаться и метаться… короче! Свали нахрен, гоблин! Сделай или сдохни! Выбор за тобой!

Я отвернулся. И раздавшийся через несколько секунд хруст песка оповестил, что гоблин ушел.

– Убьет или не убьет? – задумчиво спросила пифия, сдувая упавшую на щеку прядь волос и прячущуюся за ней желтую бабочку.

– Самому интересно – широко улыбнулся я, потягиваясь – Ай… обезболивающее какое-то хреновое.

– Тебе бы поспать.

– Не – покачал я головой – Посплю в дороге.

– Покидаешь наш милый славный городок?

– И как можно быстрее. Я и так здесь задержался.

– Гоблин… ты охренел? Ты здесь всего двое суток, но твое имя запомнят навсегда! Ты легенда!

– Да насрать. У тебя нет расписания билетов на бродос-экспресс в сторону Кронтауна?

– Найдется. Разве тебе не спится – пошли шашлыки жарить?

– Пошли – согласился я, осторожно вставая – Я кручу палки!

– Шампуры?

– Да похер. Лишь бы с мясом.

* * *

Запыхавшийся гонец, взрывая пятками песок и перескакивая через крабов, примчался минут через сорок, волоча за собой крикливого парнишку лет двадцати с небольшим. Гонец молча ткнул пальцем чуть не в лицо парня, потом заявил:

– Убийство. А это вроде как свидетель.

– Где? – поинтересовалась пифия, принимая от меня шампур с мясом и смело откусывая крайний кусок – М-м-м… вкуснотища… может правду говорят, что по-настоящему вкусно мясо может пожарить только убийца-мясник?

– Третий барк. Хомячий рай. Вроде как завалили хозяина заведения Тома, а с ним вместе еще четверых.

Я удивленно и даже обрадованно склонил голову к здоровому плечу, со скрежетом стащил зубами кусок мяса с шампура.

– Да не вроде как! – ожил невнятно вскрикивавший до этого на бегу парень в синем комбинезоне – Точно! Я же на пороге стоял и все видел! Там просто кто-то визгнул в бараке… вроде мужик, а завизжал так тоненько, испугано. Ну вроде как если в штаны себе глянул с утра – а там хера нету! И как завизжа-а-а-ал…

– А если ты девушка? – спросила пифия.

– С утра? – недоуменно хлопнул глазами парень.

– Вообще.

– Ну… тогда раз – а там хер между ног! И ви-и-и-изг…

– Думаешь? – хмыкнула Кассандра – Ну и что дальше?

– Я и сунулся на визг тихий. А там… Том на полу бьется в луже крови, ногами стучит, глаза пучит, за глотку держится. А за прилавком баба какая-то кого-то бейсбольной битой хреначит! Хреначит и орет что-то злое про траханого мудака гоблина… а с биты кровь так и слетает в разные стороны…

– А еще двое?

– Они у стены лежали. На столе. А рядом парень весь перебинтованный, худющий, в майке черной поверх бинтов. У него в руках здоровенный тесак. Он походу подошел к столу, где в карты играли и рубанул сходу сидящих… но это люди Хома – узнал по футболкам и штанам. Да я всех запомнил! Сразу опознаю!

– Опознаешь? – прищурилась Кассандра – Там ведь темно было. Лица ты не видел. Был испуган.

– Да видел я лица! Отчетливо разглядел! Точно опознаю! Испугался, конечно! Вот и рванул оттуда! Наткнулся на бойца вашего, он меня и притащил.

– Да показалось тебе, что ты лица разглядел. Наверное, только силуэты и увидел мутные, да? – надавила Кассандра.

– Да я до самой смерти запомнил их лица до мельчайшей подробности?

– До самой смерти? – промурлыкала Кассандра.

– Ага!

– Аж минут на пять то есть?

– А?

– Ну если до самой смерти…

– В смысле – через пять минут я… а-а-а-а-а – наконец-то догнал парень и, подломившись, рухнул коленями на песок – Пифия Кассандра!

– Да?

– Простите! Не разглядел я никого! Темно там было! Пожалуйста… не убивайте.

– Ну что ты, милый. Живи. И молчи.

– Понял! Все понял!

– Оди? – глянула на меня Кассандра.

– Пойду прогуляюсь – вздохнул я – Заодно и в медблок загляну.

– Я пошлю к бараку пару своих парней. На всякий случай.

– Разберемся – усмехнулся я бледно – Тебе стоит остаться в этом городе, Кассандра.

– Почему?

– Потому что это твой город.

– Хм… ну спасибо за совет. Ты, кстати, что-то не рад.

– Не рад – подтвердил я мрачно, впихивая ноги в кеды – Вообще не рад. Им следовало исчезнуть. А не страдать херней.

– Хочешь я оставлю их себе? Прикормлю. Обеспечу интересным занятием. Подарю оседлость и уверенность в завтрашнем дне.

– Если честно – хочу.

– Предложи им это.

– Предложу…

Опережая меня, в город рванул получивший краткие инструкции гонец. Я не торопился. Я неспешно шагал, чувствуя, как пульсирует разгорающаяся боль в искалеченном плече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dem-mihaylov/nizshiy-8

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити